
Серия АИРО-XXI
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СССР, РФ и СНГ**

осуществляется благодаря партнерству
с Департаментом по работе с территориальными палатами
Торгово-промышленной палаты РФ

Издание подготовлено при содействии
Брянской Торгово-промышленной палаты
и Торгово-промышленной палаты Саратовской области

**АИРО
XXI**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
- Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова
- Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
- Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
- Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
- Харуки ВАДА Фонд японских историков
- Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
- Пол ГОБЛ Фонд Потомак
- Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
- Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
- Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова
- Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
- Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
- Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI
- Джон МОРИСОН Лидский университет
- Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио
- Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
- Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
- Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
- Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI
- Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
- Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI

Геннадий Бордюгов

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Предисловие Алана КАСАЕВА

Москва
2011

СЕРИЯ
«Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

Бордюгов Г.А.

«Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»). – ISBN 978-5-91022-158-5.

В книге собраны комментарии автора, подготовленные по заказу РИА Новости и раскрывающие феномен «войн памяти», охвативших в XXI веке огромное пространство.

Что и кто является объектом столкновений? Какие цели преследуют их участники? В чем своеобразие различных этапов «войн памяти»? Ответы на эти вопросы способны заинтересовать широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91022-158-5

© Бордюгов Г.А., 2011
© Щербина С.П., подбор
иллюстраций, 2011
© АИРО-XXI, 2011

Содержание

Предисловие	9
Введение	12
Свой глобус, своя история?	17
Политический трюк	23
Война и нестабильность – вечный удел этого края?	27
Чем провинился Бронзовый солдат с площади Тынисмяги?	36
Сталин с нами. Сталин в нас. От послушной истории к послушному будущему?	43
Украина – не “насмешка истории”	53
Как остановить войну с памятью о войне?	58
Консультация по истории для президента Ющенко	64
О новых смыслах Дня скорби и памяти	72
Большой террор: национальное измерение	79
Крымская карта в раскладах Ющенко	84
Укрощение прошлого	90
Как разваливалась Российская империя	96
Византийский интерес, или Национальные уроки	105

С кем переплетется виноградная лоза?.....	113
Ещё раз о цвете и национальности террора	122
Мюнхен-1938: о забытом прологе к войне.....	134
Не надо бояться прошлого.....	139
Голодоморовский аршин Ющенко	145
«Берегись! Русские!».....	152
И снова рука Москвы	162
Тайны прошлого: как определять правых и виноватых?.....	166
Разные измерения пакта Молотова–Риббентропа	174
Образ России на постсоветском пространстве.....	182
«Отец народов» в национальных пантеонах	195
Вылечиться от «воспаления этничности»	202
Политики и «правильные истории»	210
Общее пространство памяти.....	216
Нюрнбергская прививка от нацизма	222
Заключение	229
Лекции, доклады, мастер-классы, выступления Г.А. Бордюгова в рамках проектов и форумов РИА «Новости» в 2006–2010 гг.:.....	234
Указатель имен	245

О проекте «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»

■ В обозримом будущем постсоветские государства не откажутся от исторической политики и политики памяти. Но историки вправе говорить об идеальной конструкции властных мер к прошлому, его сохранению и памяти о нём.

■ Наивно рассчитывать на равный диалог властью, однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю. А попытки «присвоить прошлое», следовать принципу партийности приводят к бюрократизации и окостенению историознания.

■ Какими бы ни были механизмы исторической политики (включая, казалось бы, отжившие – цензуру, привилегированные институции, послушных историков и пр.), в среде профессиональных исследователей всегда будет существовать лишь видимость принятия оценок от политиков. Ведь создание собственной мифологии сопровождает практически любой режим власти. Поэтому «минные поля свободы» предпочтительнее ориентации на «тайное знание», равнения на политические абсолютизмы или позитивную идентичность, связанную в последнее время почему-то с империей, Романовыми и Сталиным.

■ Вместе с тем сообщество историков – не священная корова с презумпцией безгрешности. Все потуги власти политизировать историю оказывались бы изначально неконкурентоспособными, если бы на них не работали лакеи от исторической науки. Так было и будет всегда, а потому настоящий историк – подобно Плутарху, Тациту, Прокопию Кесарийскому и многим-многим их последователям – обречён не только на исследовательское одиночество, но и на умение находить общий язык с теми, которые вершат ту историю, о которой эти историки пишут. Во благо истине и самой истории. Наивно полагать, что в будущем здесь может что-то измениться.

■ Не политизация былого, а создание условий и среды для его глубокого изучения приближает к пониманию смыслов нашей уникальной и поучительной для всего мира истории. Этому способствуют также конкуренция различных точек зрения и научных школ, ограждающая от конъюнктуры и различных культов, отказ от конфронтационных образов стран и народов в зависимости от нефтяных котировок, преодоление этноцентризма, освоение пространства общеевропейской истории.

■ История – не политический рычаг, не средство завоевания электората на выборах и легитимации власти. Гораздо предпочтительней вместо разоблачения «происков» «фальсификаторов истории» прорабатывать «трудные вопросы» истории и формировать правовое отношение к преступлениям против человечности. Именно так возникает обмен знаниями между поколениями, создаются подлинные пространство памяти и исторический ландшафт страны.

Геннадий БОРДЮГОВ

Предисловие

В 2005 году, накануне 60-летия окончания Второй мировой и Великой Отечественной войны, были прочерчены сценарии войны за память. Именно тогда на Западе обозначилось намерение «деприватизировать» право России на решающую роль в Победе над гитлеровской Германией. Было выдвинуто и требование о покаянии перед соседями и союзниками по Восточному блоку, одновременно возникла и новация о презумпции виновности России. Обыгрывалось она, прежде всего, через образ советского солдата – не освободителя, а оккупанта и потенциального насильника. Следовательно, негоже оставлять ему памятники на территории Европейского Союза.

В Российском агентстве международной информации РИА Новости сложилось ощущение, что дело не ограничится разовыми акциями. Вслед за Второй мировой войной начнут разыгрываться и другие проблемные вопросы прошлого, включая все постсоветское пространство. Естественно, наивно было рассчитывать на соблюдение правил дискуссии и на то, что обойдется без спекуляций в отношении политики памяти. Поэтому в 2006 году я пригласил известного историка Геннадия Бордюгова войти в состав Экспертного Совета РИА Новости. Зная автора по злободневным публикациям в ежемесячнике Виталия Третьякова «Политический класс», а также руково-

димых мной в разные годы журналах «Евразия» и «Новая модель», я попросил его попробовать себя в роли комментатора постсоветской действительности. Ведь дело не только в том, что в ней повсюду проступали и проступают следы общего прошлого. Просто история стала играть преувеличенную роль в отношениях России с соседями.

Как убедится читатель, достоинство аналитики и комментариев автора состоит в том, что в течение пяти лет, реагируя на острые события в отношении к прошлому, он в корректной форме разъяснял причины полемики в разных странах, показывал, почему нельзя высокомерно отмахиваться от иных, неприятных нам точек зрения. В то же время другая сторона могла узнавать о том, что и в российском обществе далеко не все разделяют всплески «имперского сознания» со стороны отдельных политиков. Геннадий Бордюгов убедительно показывал, что в профессиональной исторической среде все более заметными становятся взвешенные оценки – к примеру, повстанческих движений в Польше, Западной Украине, странах Балтии, характера этнических чисток и изгнания народов в военный и послевоенный периоды. Попытки же изображать «свой» народ как жертву «чужого» с тем, чтобы снять ответственность с себя и собственных правителей, расценивались не иначе как политические спекуляции.

Большинство материалов Геннадия Бордюгова, подготовленных по заказу Агентства в формате быстрого реагирования, неоднократно перепечатывались в различных средствах массовой информации

в странах СНГ, Балтии и Грузии, в журнале «Панорама Содружества», ежегодных сборниках Экспертного Совета РИА Новости, переводились в популярном американском Johnson's Russia List. Кроме этого, автор никогда не отказывался выступить на конференциях, круглых столах, в телемостах, международных школах журналистов, устраиваемых РИА Новости. Авторитетное слово историка, надеюсь, хорошо слышно и в нашей стране, и за ее пределами. Книга, в которой собраны комментарии, сделанные по заказу нашего Агентства, отмечающего в этом году свой 70-летний юбилей, наверняка, будет заметной на полке лучших образцов исторической аналитики последних лет.

Алан КАСАЕВ
Руководитель Редакции стран
СНГ и Балтии РИА Новости,
кандидат исторических наук

Введение

Мы говорим: зачем поминать? Зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше... Зачем это вспоминать?

Зачем раздражать народ?.. Если у меня была лихая болезнь или опасная, и я излечился или избавился от неё, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и всё так же болею, ещё хуже, и мне хочется обмануть себя... Прошло? Изменило форму, но не прошло... Если мы поглядим на прошедшее, нам откроется и наше настоящее.

Лев Толстой

Последние годы отмечены непомерным вниманием к истории. Вниманием, напоминающим чем-то период перестройки. Однако если тогда складывалась духовная атмосфера, в которой историки почувствовали себя свободными, когда пришло понимание, что политический процесс и профессиональная историография – не сообщающиеся сосуды, такими их сделала «сталинская школа фальсификации», то теперь история стала чрезмерным фактором политики, а память о прошлом – предметом острых столкновений и даже международных конфликтов.

Появилось понятие «войны памяти», которое дополнило трагический перечень «горячих» и «холод-

ных», космических и информационных войн. Эти «войны памяти» могут происходить внутри одной страны или между разными странами. В XXI веке они охватили пространство стран СНГ, Балтии и Центральной и Восточной Европы с участием некоторых западных держав. Их запускает само растревоженное прошлое после длительного сокрытия фактов, противоречивый процесс создания национальных историй, национальной культуры памяти, а еще – националистические движения и современные политические элиты, позволяющие себе инициировать в определенные моменты либо диалог по поводу истории в европейском масштабе, либо с её помощью противопоставлять себя другим государствам, создавать конфронтационные образы.

Казалось, поначалу все было безобидно. Полемика вокруг удревнения и героизации своих историй (объявление, к примеру, первой русской столицей Старую Ладугу, Новгорода – второй, а Киева – третьей, что в свою очередь вызвало желание вести летопись украинского народа от трипольской культуры и самого древнего государства на Земле – Араты) воспринималась как детская болезнь этноцентризма. Однако вскоре различие исторических оценок на постсоветском пространстве переросло во взаимные оскорбления, уничтожение исторических знаков памяти, установленных, как правило, по своей, а не «чужой» воле.

Власти – в зависимости от политической конъюнктуры – либо непосредственно включались в эти процессы, либо равнодушно наблюдали за ними, не

подозревая, что каждый подобный шаг усиливает национализм, делает односторонней, одномерной историческую память народа. Ведь *«зачем это вспоминать? зачем раздражать народ?..»*. Не лучше ли убрать подальше с глаз, а еще лучше стереть подлинную память, памятники, названия улиц, привычные праздники, чтобы они не служили поводом для воспоминаний.

Как показывает опыт, «войны памяти» характерны именно для переходных периодов, когда происходит расставание с общим прошлым, особенно близким. В качестве объектов этих войн, к примеру, Полтавская битва, образы Петра I, Мазепы и т. п. мало кого волнуют всерьёз. Столкновения же по вопросам сталинских репрессий, геноцида, этнических чисток, голодомора, оккупации приобретали не только массовый характер, но и раскалывали общественность в странах СНГ и Балтии. Взрывную реакцию вызывало всё, что было связано с памятью о Великой Отечественной войне – памятная история с «Бронзовым солдатом» в Таллинне, сносом монумента советским воинам в Ташкенте, уничтожением памятника «Мемориал Славы» в Кутаиси.

Открытие музеев советской оккупации в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Украине многие люди также восприняли как несправедливый шаг. Как это ни парадоксально, негативно реагировали даже те украинцы и грузины, которые вообще не знали о существовании независимой Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. и о попытках создания в 1918–1920 гг. независимой Украинской Народной

Республики, роли Красной армии в их ликвидации. Ответная «атака» была незамедлительной – открылся «Музей оккупации Крыма Украиной» в Симферополе, отовсюду прозвучали требования создать «музей фашистской оккупации».

Понятно, что «войны памяти» подспудно подразумевают вполне определённую цель – преодоление всего советского и имперского, идентификацию и национальную мобилизацию, равно как и сопротивление всему этому, желание восстановить прежний порядок. Для этого участники «войн памяти» используют самые разнообразные методы. Их легко распознать по глаголам, которыми обрастает коллективная и индивидуальная память о прошлом: уничтожить, покончить, забыть, вытеснить или сохранить, удержать, поклоняться, укреплять. Подтверждение всему этому читатель найдёт в материалах книги, посвящённой периоду 2006–2010 гг. О своеобразии нового этапа «войн памяти» будет сказано в завершении книги.

Данный проект состоялся благодаря приглашению Алана Касаева войти в Экспертный Совет РИА Новости, где всегда можно было найти поддержку от Алексея Власова, Александра Искандаряна, Андрея Колесникова, Алексея Малашенко, Леонида Млечина и др.

Творческая атмосфера, созданная в Редакции стран СНГ и Балтии, благожелательность её сотрудников Александра Альтмана, Захара Виноградова, Леры Паниной, Ольги Серовой, Эллы Тарановой

и других также способствовала интересной работе в новой для меня сфере.

За постоянные консультации и критические замечания искренне благодарю Дмитрия Андреева и Бориса Соколова. Подбор иллюстраций к книге, сделанный Сергеем Щербиной, расширяет и уточняет смысл проекта.

2006

Свой глобус, своя история?

О том, что кто-то пытался создать глобус своей страны, уже ходит анекдот. О том, что постсоветские государства, каждое на свой лад, теперь интерпретируют прошлое, – история скорее грустная. Два года назад в центре внимания общественности оказались узбекские учебники истории, в которых употреблялись (292 раза, как было подсчитано) такие обороты, как «русские захватчики», «русские колонизаторы», «русские шпионы». В прошлом году в фокусе внимания оказались учебники истории стран Балтии, изобиловавшие употреблением словосочетания «русские оккупанты». В этом году лавры первенства достались новым учебникам Украины, Грузии и Молдавии, в которых России отводится роль главного врага, источника всех бед и вредительств.

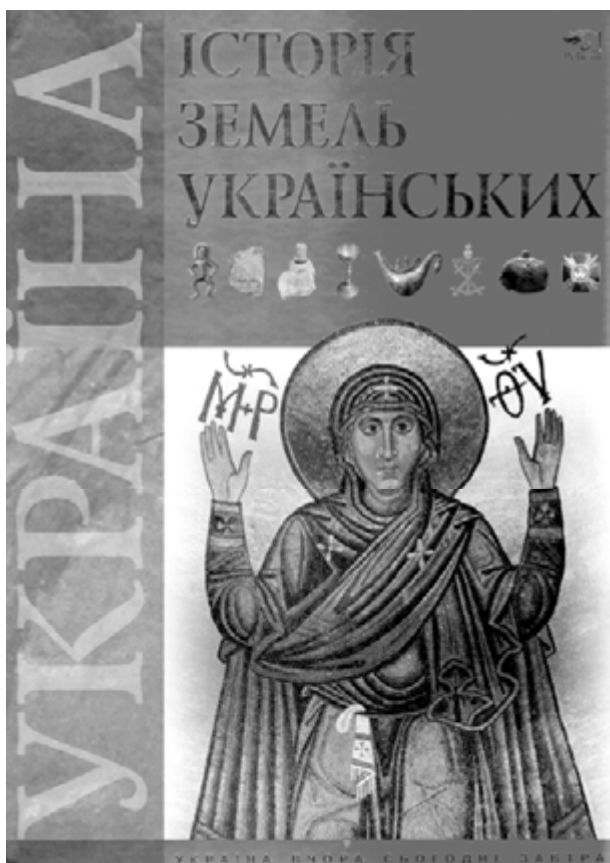
Проблемы взаимоотношений между Россией и странами СНГ довольно серьезно разрабатываются политической мыслью. Однако крайне болезненно и медленно эту тему осваивает современное историознание. Процесс создания «национальных историй»,

Узбекистан. Памятник Независимости в г. Ташкент.

находящих отражение в учебниках, сопровождается пересмотром прежних представлений о собственной идентичности, болезненными политическими проекциями. Когда представители той или иной нации берутся размышлять о своей истории, их с трудом понимают «братья по разуму». И дело не только в интеллектуальной борьбе за право на престижное наследие. В различные времена из прошлого делается «избранное»: на передний план выступают нужные аспекты, замалчиваются неудобные страницы.

В «переписывании» истории периода 90-х годов ушедшего столетия очевидным было стремление к героизации: модифицировался пантеон национальных деятелей, завышался уровень политического и общественного развития, «удревнялась» государственность. Шло самоутверждение за счёт соседей, особенно в части «болевых» точек соприкосновения. Для историков Украины значимой оказалась проблема этногенеза украинцев и места в нём Киевской Руси. Молдавские ученые бились над запутанностью исторических отношений молдаван с Россией и Румынией. Однако ещё больше сложностей возникло на стадии написания своих историй в контексте всеобщей истории. Не лучше обстояло дело с преподаванием курса истории зарубежных стран. Явную остроту для некоторых новых стран приобрело осмысление взаимоотношений с Россией. Поэтому неслучайно в учебниках истории Украины, Грузии и Молдавии на первый план вышли моменты вражды, эпизоды столкновений. Исключительное внимание было привлечено к ранее замалчиваемым или фальсифицированным фактам.

Вместе с официальной советской историографией исчезают прежние стереотипы, при этом возникают другие.

Новое поколение учебников истории, предназначенных для миллионов школьников, – своеобразный источник для понимания современной обстановки, идейных исканий и национальных идеологий, рождающихся в процессе трансформации. Учебники – это и показатель результатов общеобразовательной реформы, проходящей в странах СНГ. Дело не только в стремлении (часто декларативном) отказаться от политизированного подхода к содержанию школьных программ. Важно понять, насколько провозглашенные цели образования отвечают реальному воспитанию толерантности, способности позитивному восприятию прошлого.

Если в начале 1990-х гг. в учебной литературе в интерпретации большинства событий преобладали отрицательные знаки, то сегодня однозначные исторические образы претерпевают изменения. Фигуры правителей, образы народов, пусть и медленно, но оснащаются новой семантикой. Уже не игнорируется многофакторность исторического процесса. К примеру, в учебниках стран СНГ в неприглядном виде выглядят Российская империя и недавно ликвидированное советское государство. Сохраняются эпитеты «тоталитарный режим», «империя зла», «античеловеческая коммунистическая идеология», однако в отношении других исторических пластов и событий, связанных со взаимоотношениями России и стран Балтии, Центральной Азии и Южного Кавказа, употребляется скорее понятие «иной», «чужой», нежели «враг». По признанию авторов тех же литовских

и эстонских учебников, совмещение понятий СССР и Российская Федерация уже не проходит в образовательной среде. Отношение к России и русским в большинстве случаев нейтральное, иногда критичное, местами дружеское и только изредка враждебное.

На фоне перечисленных тенденций новые акценты в учебниках Украины, Грузии и Молдавии воспринимаются скорее как рецидив. Однако монополия на идеологическое содержание школьных учебников неэффективна. Протесты общественности, местных газет, русских национальных и пророссийских организаций часто столь оперативны, что некоторые свежеиспечённые учебники ещё не успевают дойти до учеников, но уже подвергаются резкой критике. Не надо сбрасывать со счетов и профессионализм учительского корпуса историков, умеющих объективно преподносить учебный материал. Кстати, во многих школах этих стран учитель обращается к мультикультурной аудитории, где в одном классе находятся дети разных национальностей. Преподнести им оскорбительную и недостоверную информацию он просто не может.

В этом контексте важно не забывать, что исторические сообщества стран СНГ внимательно анализируют и российские учебники истории. Поэтому так необходим диалог историков стран СНГ и Балтии. Важен при этом не только общий анализ противоречивого процесса создания множества интерпретаций прошлого, но и влияние учёных на создание понимающей, а не разъединяющей народы истории.

1 сентября 2006 г.

Политический тромб

Любая блокада, любые санкции имеют человеческое измерение.

Трудно представить, какое количество книг, газет и журналов, предназначенных для 600 тысяч русскоговорящих в Грузии, ежечасно скапливается на российско-грузинской границе, сколько научных конференций, художественных выставок, различных фестивалей теперь уже не состоится. Политический тромб снова закупорил с таким трудом реанимированную венозную систему культурных и духовных связей между двумя странами, обрек нас на изоляцию друг от друга.

Эскалация провокаций имеет свою логику развития. Когда очевидные источники подпитки конфликта исчерпываются, правящие круги открывают новые. Не исключено, что в Грузии могут запретить преподавание русского языка, ликвидировать факультеты русской литературы в университетах Тбилиси и Гори, изъять русские книги из библиотек и магазинов, закрыть знаменитый Грибоедовский театр, наконец, разгромить Центр российской культуры с его девизом «О, Грузия, ты – русской музы колыбель родная».

Не исключено, что и в России после истории с грузинским вином и «Боржоми», отменой квот для грузин на проживание и работу последуют требования, а затем и действия по ликвидации вообще

Український рекламний плакат.

Депортация граждан Грузии из России.

«пятой колонны». Ликвидируют землячества, повесят замки на детские сады и школы с преподаванием некоторых предметов на грузинском языке, отменят с таким трудом налаженный фестиваль нового грузинского искусства «Артгруз», наконец, разгонят «Общество грузин в России», объединяющее 350 тысяч человек в 35 регионах РФ.

Всё это будет означать одно: Россия попала в ловушку провокации, общество пропиталось антигрузинскими настроениями. Этого допустить нельзя! Люди не должны стать заложниками ситуации и разгула узкого, сугубо провинциального национализма.

Есть политическая территория, а есть гуманитарное пространство, которое складывалось столетиями. И ни одному режиму власти не позволено во имя политических интересов узурпировать это пространство, принадлежащее обоим народам. Интеллектуалам обеих стран в сложившейся обстановке надо сделать всё возможное по сохранению диалога и обмена культурными ценностями.

Известно, что есть время большое, а есть маленькое. И как справедливо заметил грузинский философ Заза Шатирашвили, в маленьком времени большое не вмещается, в нём всегда забывают о предыдущем. В большом же времени всё остаётся на своём месте, и память необратима.

Какое время наступило для нас? Неужели политический тромб способен перечеркнуть прекрасные строчки Булата Окуджавы: «Не запирайте вашу дверь. Пусть будет дверь открыта»?

5 октября 2006 г.

Война и нестабильность – вечный удел этого края?

При обсуждении проблем новых межгосударственных отношений в последнее время крайне редко звучит голос историков. Их приглашают прокомментировать ситуацию лишь тогда, когда новые власти в той или иной стране, образовавшейся после распада СССР, в отсутствие ресурса легитимности вынимают из колоды историческую «карту», как правило, с названием «русские оккупанты», «русские шпионы» и даже «русские империалисты».

Между тем без глубокого понимания прошлого в межнациональных отношениях невозможно понять настоящее. История, как остроумно заметил однажды английский журнал «Экономист», не похожа на микстуру, которая продаётся в склянке с этикеткой, предупреждающей покупателя: «Внимание! Превышать предписанную дозу опасно». История – это то, что делает нации такими, какие они есть в настоящем. Она сообщает им неповторимость, характер, общественные институты, идентичность. Сравнительные исследования, проведенные в странах СНГ на рубеже веков, зафиксировали важное обстоятельство: характер, глубина и успешность проводимых реформ тесно связаны с оценкой населением этих стран своего недавнего прошлого. Те страны, которые

страдают от недостатка истории, могут легко стать жертвой соблазна выдумать её. Вот почему после исчезновения Союза и образования новых государств мы наблюдаем расцвет национальных историй, пересмотр представлений о собственном прошлом.

Этот сложный процесс сопровождался кризисом самосознания и болезненными политическими проекциями. Стало очевидным, что когда русские и представители других национальностей размышляют над своим прошлым, им тяжело говорить на одном и том же языке. И дело не только в интеллектуальной борьбе за приоритетное право на престижное наследие или в замалчивании позорящих страниц. Важным импульсом современных исторических построений оказалось стремление избавить собственные народы от статуса исторической и культурной периферии, от роли ведомого и, наоборот, найти аргументы в пользу того, что их достижения сопоставимы с общепризнанными высокими образцами мировой цивилизации. Вот почему для созданных национальных историй характерны тенденции к героизации, удревнению своей государственности. Часто собственное самоутверждение делается за счёт соседей.

Учёные России кризис идентичности видят в возвращении к «русской идее». Некоторые таджикские историки размышляют над причинами и последствиями того «вольнодумства», которое переросло в негативистскую саморефлексию. Для украинских коллег болевой является проблема этногенеза украинцев и места в нём Киевской Руси, а для молдавских – запутанность исторических отношений основного этноса – молдаван – с Россией и Румынией.

Важно проанализировать в этом контексте трансформацию «кавказской темы» в современном историознании. Пожалуй, ещё важнее понять её динамику в учебной литературе, которая транслирует различные аспекты этой темы новым поколениям.

На изменение подходов к Кавказу повлияли как истовые политические обстоятельства, так и определённые субъективные факторы социально-психологического характера. К примеру, некоторые учёные

Армении говорят о «карабахизации» своей национальной истории. То есть, если раньше тема армяно-азербайджанских взаимоотношений находилась под запретом или заменялась маловразумительными сюжетами братской дружбы, то теперь востребовано знание, связанное исключительно с доказательством исконности проживания армян на этой территории, незаконности её передачи Азербайджану. При этом забавным образом незаконность передачи Карабаха Азербайджану одним решением партийно-советского органа обосновывается предыдущим решением о передаче его Армении другим – столь же легитимным – партийным органом.

В России в последние годы можно наблюдать своего рода эффект «робости» в отношении Кавказа как темы болезненной и запутанной, раскрывать которую, а тем более представлять на суд массовому читателю – студенту и школьнику – историки считают, видимо, неактуальным или слишком сложным делом. Подобный подход, как справедливо считают многие исследователи, приводит к маргинализации истории стран Южного Кавказа. Стратегически важный для судеб Евразии регион как бы «зависает» между двумя курсами – отечественной и зарубежной истории, не будучи представленным полноценно ни в одном из них. До своего включения в орбиту империи Кавказ предстает «белым пятном». Немногим меняется ситуация при изложении событий XIX века, когда край находился в составе Российского государства и являлся местом зарождения или особенно яркого проявления общероссийских социально-поли-

тических процессов, а также XX века, когда Закавказье входило в состав СССР. В итоге картина исторического развития, формируемая в массовом сознании, получается нецелостной.

Если мы вспомним советское время, то общая парадигма, в рамках которой историки рассматривали Кавказ, была довольно проста: это окраина, но исконно и, безусловно, «наша» окраина. Сердцем же исторического прогресса и центром всех инноваций на всём пространстве бывшего СССР была Великобритания. На неё был наведен основной фокус при изложении событий. Но в конце каждого крупного раздела стандартного учебника для школы или вуза обязательно следовала глава «Народы нашей страны», в которой присутствовал параграф «Народы Закавказья». Подобный стиль изложения имел некоторые исключения. В частности, более подробно рассматривалась тема «Рабовладельческий строй в Закавказье». Учащиеся узнавали о государстве Урарту – сопернике Ассирии, о древней Армении, о Кавказской Албании.

Сегодня Закавказье присутствует в новейшей научной литературе в качестве скорее географического, нежели исторического понятия. Для российских историков Кавказ – это дальний фронт империи, причём отдалённый не только географически, но и культурно, психологически, цивилизационно. За рамками книг, рассчитанных на массовую аудиторию, остаются этнические, социальные, экономические контакты. Вместо получения знаний об этом неискушённый читатель способен вынести для себя лишь

одно: война и нестабильность – вечный удел этого края. Вехи истории Кавказа прослеживаются главным образом по мирным договорам. К тому же при изложении их содержания преимущественное внимание уделяется изменению линии границ, а не судьбам целых стран и народов. Отрывочные сведения о «расширении границ империи» и «прорыве России к тёплым морям» не позволяют сложить сколько-нибудь целостной картины цивилизационных путей самого Закавказья.

Чрезвычайно мало в российской учебной литературе встречается персоналий, исторических портретов, деятелей национальной культуры и просвещения. Практически отсутствует рассказ о многочисленных выходцах с Кавказа, которые на протяжении столетий успешно пополняли российскую политическую и духовную элиту.

Методологическая и дидактическая маргинальность проблемы исторического прошлого стран Южного Кавказа подтверждается содержанием добротного словаря-справочника «История Отечества в терминах и понятиях». Из 1500 имеющихся в нём статей Кавказ непосредственно упоминается лишь в трёх случаях: «Георгиевский трактат», «Кавказская война» и «Наместник».

Каковы же последствия эффекта так называемой робости в отношении прошлого Кавказа? Мне удалось опросить группу студентов, будущих журналистов, в МГУ им. М.В. Ломоносова и Кавказском институте СМИ в Ереване. Им были заданы довольно простые, но весьма показательные вопросы, связан-

ные с прошлым стран Южного Кавказа и России. Например, где раньше было принято христианство? Когда и как (добровольно, в результате вооружённого завоевания или соглашения третьих стран) вошли в состав Российской империи Азербайджан, Армения и Грузия? В чём состояло историческое влияние кавказских государств на Россию и наоборот?

Если армянские студенты на первый вопрос ответили совершенно верно, поставив на первое место Армению, а затем Грузию, то российские, за исключением двух ответов, на первое место поставили Россию. Ответы на второй вопрос также заставляют задуматься. Для армянских журналистов однозначно, что Армения и Азербайджан были завоёваны Российской империей, а Грузия вошла добровольно, однако ни один из опрошенных московских журналистов не засомневался в том, что страны Южного Кавказа вошли в состав империи добровольно. Вопросы о взаимовлиянии не вызвали у обеих сторон особого желания задуматься. Ответы довольно тривиальны – речь шла о политике, экономике и культуре. Никто не назвал ни одного имени из выдающихся деятелей прошлого. Правда, два российских молодых человека вспомнили, что армяне повлияли на Россию своим умением возделывать землю, а Грузия – умением красиво петь, произносить тосты и делать вино.

Трудно сказать, какие образы Кавказа при таком подходе будут преобладать через десять лет. Но чтобы остановить процесс маргинализации представлений о наших странах, требуется безотлагательно принять достаточно простые, но важные решения:

ввести в курсы всеобщей истории в гимназиях и университетах разделы о прошлом стран СНГ и Балтии, издать учебник по истории постсоветских государств и учить по нему школьников хотя бы на факультативной основе. Но главное – надо, наконец, серьезно осознать, что история выполняет определённую коммуникативную функцию, что она отвечает на социальные потребности, которые, может быть, она сама и родила.

Важно не забывать слова Михаила Бахтина о том, что «чужая» культура только в глазах другой способна раскрыть себя полнее, что только соприкосновение одного смысла с другим способно раскрыть глубины обоих. Действительно, именно диалог преодолевает замкнутость и односторонность смыслов. Через вопросы «чужому» прошлому и его расшифровку можно найти ответы на «свою» историю. А значит, определить и особые способы примирения «своего» и «чужого» прошлого.

20 ноября 2006 г.

2007

Чем провинился Бронзовый солдат с площади Тынисмяги?

Снова на дворе война. Война памятников. Не ландшафтных, конечно, а исторических, не тех, правда, что были поставлены на рубеже XIX–XX вв. воинам Ивана Грозного под Пайде или мемориале на братской могиле русских солдат, отдавших жизни под Нарвой, а памятников советских, идеологически и психологически некомфортных. Зачем жить с неудобным прошлым? Зачем испытывать комплекс вины и мучиться от совершённых преступлений, допущенных ошибок и просчётов? Не лучше ли заменить историческое сознание, живое чувство истории празднествами, позитивным, не раздражающим прошлым, формальным долгом памяти?

После окончания Второй мировой войны на эстонской земле осталось 265 мест захоронений советских воинов. Они выполнили свой долг и присягу, и, наверное, в свои ратные дела и в Победу они вкладывали определённый смысл, свою окопную правду.

Сувенирные монеты с изображением Бронзового солдата отчеканены в Эстонии. Их создал эстонский художник Виктор Куйк.

Куйк, известный в стране как художник по металлу и создатель многих медалей, сделал две таких монеты: медную и бронзовую. Как пишет РИА «Новости», на лицевой стороне монет крупным планом изображен сам памятник, который окружает надпись на эстонском языке «Тяжела твоя ноша». На обратной стороне отчеканен памятник на фоне стены, даты «1941–1945» и номинал – «одно яблоко раздора».

Задумывались ли павшие в той страшной и беспощадной войне о том, что вдруг окажутся не освободителями, не героями, а лишь фигурантами очередных политических раскладов и заложниками бессмысленной войны памятников?

Эстонские представители власти, стоящие за прожектором памяти, направляют его лучи в сторону Бронзового солдата, который «пропагандирует советских захватчиков». Стоящие за прожектором памяти в России продолжают мерить историю Эстонии по советским лекалам. Они с удовлетворением отмечают заслуги эстонских историков в освещении действий 8-го Эстонского стрелкового корпуса и его боевом крещении под Великими Луками, негативных последствий немецкой оккупации и онемечивания, участия самих эстонцев в репрессиях против советских военнопленных и евреев, привезённых из Западной Европы. Вместе с тем они отказывают этим же историкам в праве писать о лесных братьях, их роли в боях за Тарту и восстановлении органов местного самоуправления периода независимой республики. Рассуждения же историков о том, был ли у национальных сил Эстонии выбор между СССР и Германией, вообще вызывают протест.

А что думают люди о войне с памятниками? Вот, читаю на одном из форумов: «Те политики, которые вертят историей в интересах так называемых высоких политических целей – подонки. А народ безмолвствует!» Конечно, это не так. Все, с кем мне приходилось общаться в последние дни, понимают, что да, «мёртвые сраму не имут», но сначала их

Бронзовый солдат на Военном кладбище.

использовали как символ победы над фашизмом, а теперь сделали символом советской оккупации. А значит, мы по-прежнему – пленники истории XX века и её идеологических баталий, а апелляции к Женевской конвенции с обеих сторон являются лишь одним из фрагментов политических игр накануне парламентских выборов и в Эстонии, и в России.

Но ведь очевидно, что не все в Эстонии согласны с использованием памяти в интересах отдельных групп, не все намерены «судить» за совершённые преступления не конкретных людей, а страны, идеи или символы. Вот уже 15 лет проблема оккупации отравляет отношения между Россией и странами Балтии. Вспомним острые споры 2005 года, накануне 60-летия Победы. Казалось бы, после юбилея вопрос будет переведён из политической в научную плоскость, активно заработают двусторонние комиссии историков, откроется обоюдный равный доступ к архивам. Увы, всё это осталось прекраснодушными пожеланиями, а значит, и следующий юбилей будет инструментализирован по-старому – судорожными попытками доказать возможность аннексии без оккупации и пр. Проблема снова окажется в руках националистических публицистов и публичных националистов.

И что же делать? Если реагировать, как сейчас, – неадекватно, неуклюже и негоже для такой страны, как Россия, запугивая экономическими санкциями, – то война памятников продолжится. Эту войну надо было упредить ещё в 1994 году. Выводя наши войска, нужно было, наряду с вопросом предоставления

гарантий российским военным, урегулировать статус захоронений советских воинов. Тогда же можно было разглядеть и дезавуировать новый идеологический вызов соседей – замену коммунистов в качестве виновников национальных трагедий русскими.

Другой путь связан с пониманием того, что историческая память не может быть приватизирована тем или иным режимом власти. Если пространство власти доступно немногим, то к пространству памяти причастны все без исключения. А значит – ответственны за него. Но тогда возникают вопросы: почему не вступили в диалог избранные горожанами мэры Москвы и Таллина, почему не встречаются представители ветеранских организаций, почему наша Общественная палата не обращается к эстонской Палате сотрудничества национально-демократических сил? Быть может, только гражданские структуры и способны прекратить возникший конфликт. Во всяком случае, не удалось же заглушить протест тех же молодёжных групп против передачи Бронзового воина в Россию. Если же вести речь о переносе захоронений в другое место города, а в мире известны такие случаи, то в этом случае надо открыто и честно обсуждать причины, место и форму захоронения, его статус и охрану. В этом заключается, на мой взгляд, ответственное поведение перед павшими солдатами.

19 января 2007 г.

Сталин с нами. Сталин в нас. От послушной истории к послушному будущему?

Известно, что когда нет идеологии, её место занимает мифология. Режиссёр сериала «Сталин.Live» Григорий Любомиров не скрывает своего отношения к «славному периоду» нашей истории и его мифологемам. Но догадывались ли создатели фильма, на чьё поле заступили, кто был его непревзойдённым пахарем и сеятелем? Ведь Сталин ещё при жизни воздвиг себе уникальный памятник – энциклопедию мифов сталинизма под названием «Краткий курс истории ВКП(б)». В этой ни много ни мало священной истории были свои кануны и свои предтечи, демиурги и пророки, подвижники и мученики, свои ритуалы и обрядовый календарь. Октябрьская революция – акт творения нового мира, потом – борьба за чистоту с демонами внешними и внутренними. Сам Сталин – не просто продолжатель дела Ленина, а его перевоплощение. И в такую историю поверили или заставили поверить. С ней страна прожила 50 лет. В конце 80-х общими усилиями, казалось бы, удалось преодолеть сталинскую модель истории, изъять отработанный блок концепций прошлого. Но фабрика по изготовлению новых порций мифов продолжает свою

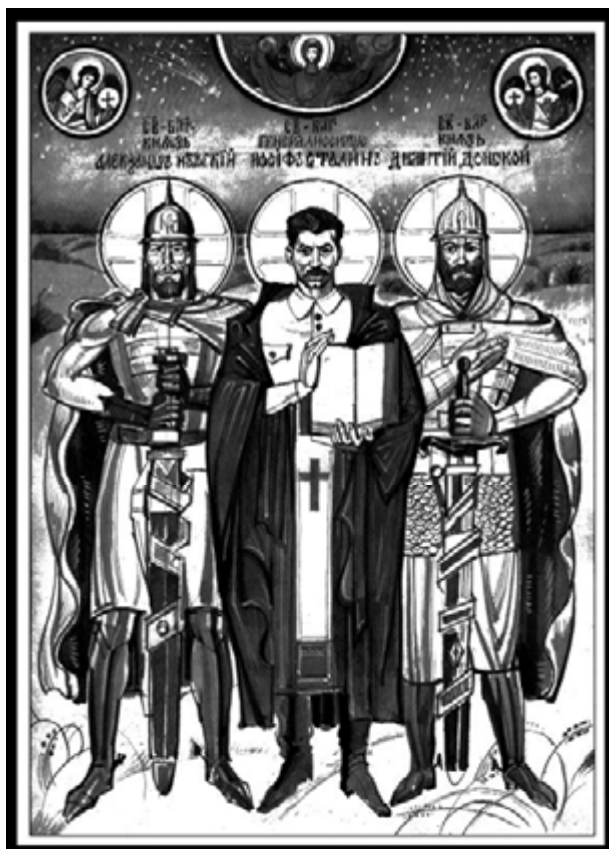

работу. Правда, остается вопрос – можно ли в них верить?

Сомневаясь в возможности обеления вождя, нам предлагают: а почему бы не поиграть в мифы? «Народу... интересно, – считает режиссёр, – и телевидение пытается на этом сыграть». Но по каким правилам?

По таким, которые возводят Сталина чуть ли не в святого, игнорируя реальную подоплёку отношений с Церковью. Ведь не глубокое внутреннее перерождение Сталина, а прежде всего внешнеполитический расчёт заставили его изменить позицию в религиозном вопросе. Заключительный этап войны, новая ситуация в Европе потребовали использования разнообразных средств усиления своего влияния. Значительная роль в этом была отведена РПЦ, церковным каналам. В ответ сталинское руководство готово было создать «благоприятные условия» для РПЦ внутри страны. Обо всём этом можно узнать по негласным условиям соглашения от 4 сентября 1943 г. Но и оно выполнялось своеобразно. В течение 1944–1947 гг. верующие умоляли открыть за свои средства 4418 церквей и молитвенных домов, но сверху разрешено было открыть только 1270 – почти в четыре раза меньше, да ещё с многочисленными бюрократическими проволочками. А затем началась обратная кампания. В 1946 г. ЦК обвинил служителей культа в замаскированной антисоветской работе, назвал их кучкой ловких дельцов. Была дана директива изменить цифры об уровне религиозности в стране.

А вот «еврейский вопрос» в СССР, судя по уставке режиссёра, – дело рук Запада и израильских

спецслужб, но никак не результат внутренней политики Кремля. И напрасно историки изучают правды и вымыслы «дела врачей», подноготную преследования евреев. Кому важен рутинный разбор архивных документов, связанный с подготовкой и проведением 9 января 1953 г. заседания бюро Президиума ЦК, когда византийская натура диктатора снова раскрылась в полной мере? Для чего историки детально прослеживают, как возникли слухи о депортации евреев, как нагнеталась легальная юдофобия? И почему Сталин вынужден был пойти на попятную, резко свернув агрессивную пропаганду, имевшую антисемитскую подоплёку.

Можно внимательно обсуждать каждое положение интервью, но мне кажется, что в предлагаемых новых-старых рукотворных мифах мало знания. Но оно и не требуется. Сериал разворачивается таким образом, что Сталин не просто возвращается. Меняется (в сравнении с перестроечным временем) характер его роли, особенно в связи с войной. Неслучайно социологи недавно заметили, что чем выше статус военных событий, которые телеологически организованы как цепочки событий, ведущих к предзаданной Победе, тем сильнее уходит память о сталинских репрессиях. Чем круче триумф, тем сильнее вытесняются из массового сознания ответственность государства за развязывание войны, заплаченная цена, негативные последствия просчётов и ошибок. На это же работает и семейная канва сериала. Если не получится с приёмом возвеличивания, то уж сентиментализация отношений героя с родными сработает непременно.

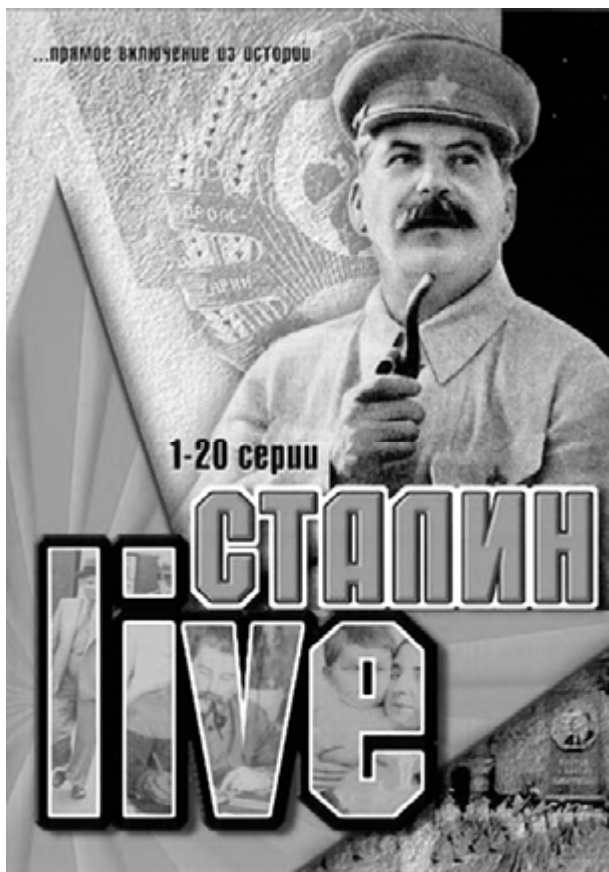
Кадр из сериала «Сталин.Live».

А если бы сыграть в игру по правилам настоящего Сталина, а не того, которого НТВ предлагает нам «живьём»? То есть вождя с его «революцией сверху» и раскулачиванием, превращением чрезвычайных мер в постоянный инструмент управления страной и террором, голодомором и ГУЛАГом? Здесь ведь иные сценарии, и режиссура, и заглавная роль. И пусть каждая серия заканчивается подписанием сотен шифровок на уничтожение, на депортацию, на отправку в лагеря миллионов людей...

Хочешь или не хочешь, но поддержишь режиссера в его желании обратить героя к Богу, а ещё точнее – заставить искать способы искупления вины. Но лучше всего, если бы вымышленный Сталин попросил прощения у тех, кто всё это пережил, у тех семей,

которые продолжают жить с этим страшным и беспощадным прошлым. Но, увы, зрителям предлагается наблюдать за игрой мифов по правилам «Рублёвки. Live».

И всё же, почему режиссёр избрал миф как познавательный инструмент советской истории? Не потому ли, что с попытками отделения настоящего от преступлений прошлого, с новой ложью о старых преступлениях, как показало 60-летие Победы, не получилось? Старые знания и законы можно опровергнуть новыми, а мифы не дают такой возможности, они повторяют канонические объяснения. При этом рукотворные политические мифы ничего не скрывают, их тактика – не правда и не ложь, а просто отклонение от реальности. Именно с этой стороны и предпринимается новая попытка ресталинизации.

И что, начинать всё заново? Вести список перепутанных данных, непроверенных фактов и неточных цитат, ставить новые трудные вопросы прошлому? Но тенденции новой государственной пропаганды и образовательной реформы к этому не располагают. Академическая наука остаётся сама по себе. С ней «реалити» не создашь, денег не заработаешь. К тому же связь мифолога с обществом, как подметил Ролан Барт, – это связь саркастическая. В работе по демифологизации исследователи не только отстраняются от власти, но и от общества, особенно в те моменты, когда оно охвачено мифами. Успокаивает лишь то, что монополия на такое прочтение истории неэффективна, что сохраняется профессионализм учительского корпуса, что подлинная память не может быть приватизирована.

Нас ждут ещё три или четыре десятка серий со сталинской (или придуманной якобы по-сталински) версией советского прошлого. Но уже сейчас оче-

видно, что за этой версией стоит группа интеллектуалов, которая пытается снова сделать историю (или игру в неё) иррациональной. При доминировании иррациональных доказательств легче манипулировать сознанием, а, следовательно, и поступками людей. Так послушное прошлое может обернуться иллюзией послушного будущего. XX век показал, как это делается. А значит, Сталин с нами, Сталин в нас.

2 февраля 2007 г.

Украина – не “насмешка истории”

Рано или поздно сложившаяся на Украине ситуация, конечно, разрешится. Но за тривиальными предвыборными раскладами будущих блоков и мегаблоков, маршей двух или трёх партийных колонн противостоящих сторон, за неизбежным возвращением к вопросу о конструкции власти (нынешняя таила и будет таить новые потрясения) неизменно стоит украинский вопрос, судьба Украины как государства. Нельзя исключить, что во имя победы любой ценой может быть разыграна и карта раскола страны.

Прошлый век стал колыбелью множества новых национальных государств, хотя для тогдашних сторонников глобализма – простите, мировой революции – они были химерой, выдумкой, плодом воображения. В XXI веке история повторяется, даже если кому-то кажется, что мир управляется финансовым капиталом при отсутствии у некоторых народов самостоятельных банков. В пользу национальных государств на постсоветском пространстве повернулась, прежде всего, интеллигенция, которая стремилась составить в этих государствах элиту и как можно дальше дистанцироваться от российской (царской или советской) государственности.

Впрочем, для других слоев населения, устремившихся поначалу за элитами, главное значение имеют способы разрешения вопросов собственности, социальная политика. И в определённые моменты национализм может стать врагом для большинства народа. Если собственные партии и депутаты оказываются неспособными решить насущные вопросы, то можно обратиться к Западу или к Москве – в зависимости от того, какие условия будут ими предложены, кто при этом не заденет национальные чувства. Понятно, что любое ущемление интересов порождает и сеет ненависть националистов, способствует развитию некоторых отрицательных сторон националистической идеологии – к примеру, «Украина для украинцев».

Основное противоречие политической ситуации на Украине, на мой взгляд, заключено именно в вопросе выбора модели дальнейшего движения в истории – западной или своей (Россия и Белоруссия, кажется, определились в этом). Обретение собственной модели есть основное испытание для новой государственности. Однозначная ориентация на Запад или на Россию грозит новыми конфликтами, вплоть до раскола страны.

Неангажированные историки прекрасно знают, что акт 1654 года был альянсом двух независимых партнёров, в крайнем случае, ограниченным во времени московским протекторатом, но никак не включением Украины в состав Московского государства. Однозначно рассматривается сегодня факт признания Временным правительством Центральной Рады, которая 10 июня 1917 года провозгласила автономию

Украины. Указ об этом – «1-й универсал» – содержал ссылки на государственные акты гетманства XVII века, которое рассматривалось как «золотой век» украинской государственности.

Нынешний кризис снова напомнил и о классическом разделении Украины на запад (бывшие польские владения), связанный с Россией восток и завоеванный юг с его пёстрым национальным составом. Географические, экономические, исторические и национальные отличия и сегодня определяют различную политическую ориентацию регионов. Однако нельзя забывать, что все эти регионы ещё с начала прошлого века были объединены преобладанием украинской крестьянской семьи и её институтов, которые не включали в себя общины. Крестьяне сохранили самобытную культуру, украинский язык, в то время как верхушка общества переходила на русский, который становился и языком государственного управления. Все регионы в равной мере пережили царскую модернизацию и индустриализацию «сверху», огромные социальные перемены в империи, революции 1905 и 1917 годов, войны. И даже если украинские регионы по-разному были вовлечены в эти события, даже если между этими регионами сохраняются глубокие различия, Украина может функционировать как унитарное государство. Альтернатива этому – не федерализация страны, о которой так много толкуют русские политологи и исключительно с которой связывают демократизацию (словно её нет на Украине), а раскол.

неукраинцев, непозволении одной стороне забывать прошлое или рвать его по живому, как это произошло в отдельных областях Украины, реабилитировавших украинскую дивизию СС.

Если всего этого не произойдёт, России надо быть готовой иметь дело с двумя украинскими государствами. Но и в этом случае они будут являться опровержением суждения о «насмешке истории», поскольку их независимость не будет случайной. Эта независимость будет выстрадана, фундаментальна.

27 апреля 2007 г.

Как остановить войну с памятью о войне?

После заявления Джорджа Буша о пересмотре итогов Второй мировой войны я впервые услышал: «это вы, историки виноваты»...

И, действительно, обнародование секретных документов о пакте Молотова–Риббентропа, о катынской трагедии, о массовых депортациях по этническому признаку поначалу вызвало благодарность народов, стремившихся к национальному самоопределению, но с распадом СССР и социалистического лагеря обернулось разжиганием ненависти к русским как предполагаемым виновникам национальных трагедий. Естественной реакцией на это был вопрос: к чему же тогда раскрывать преступления прежних режимов, если они связываются исключительно с русскими?

Проведение параллелей между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией, сравнение сходных тоталитарных режимов, способное много дать для понимания общества и воздействия идеологии на массы людей, завершается теперь полным отождествлением и призывом к всероссийскому покаянию по германскому образцу. И уже неважно, что основы нацистской и большевистской идеологий были принципиально разными. Во всяком случае, в советских программных документах никому не удалось обнаружить положения о превосходстве славян-

ской расы над всеми остальными, презрении к другим народам и их культурам.

Непредвзятый анализ положительных и отрицательных сторон стратегических военных операций обернулся обвинением в том, что победа над фашистами была одержана лишь ценой несопоставимых жертв, что мы буквально завалили противника трупами своих солдат. И кому тогда нужны даже расчёты зарубежных демографов, доказавших, что фронтовые потери с обеих сторон были примерно равными.

История с солдатскими памятниками напомнила мне о размышлениях американского историка Майка Дэвиса накануне юбилея высадки союзнических войск в Нормандии. Тогда он призвал всех здравомыслящих людей «Спасти рядового Ивана». Дэвис считал, что освобождение Европы началось летом 1944-го отнюдь не в Нормандии, а там, где советские партизанские формирования вышли из белорусских лесов и болот и нанесли смелый и внезапный удар в тыл могущественному вермахту. А спустя несколько дней началась операция «Багратион». Американец прямо противопоставил обе масштабные военные акции, начатые практически одновременно. «Но что рядовой американец слышал об операции “Багратион”?» – спрашивал Дэвис. И сам же отвечал: «Июнь 1944-го означал для него высадку на пляжи Нормандии, а не переправу через реку Двина. Однако наступление советских войск летом 1944-го было в несколько раз значительнее, чем операция “Оверлорд” как по масштабам задействованных сил и средств, так и по урону, нанесённому Германии».

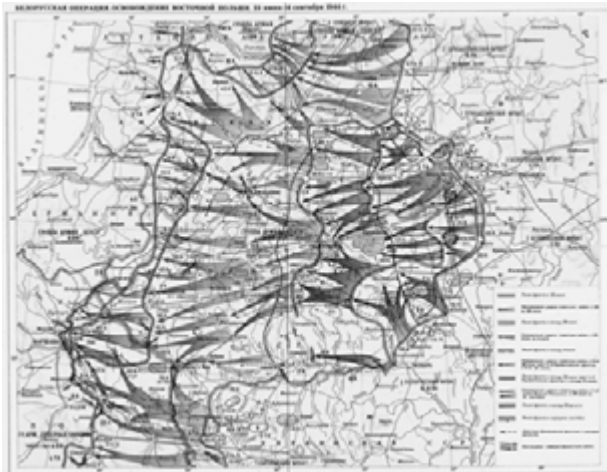

Схема операции «Багратион».

Речь не просто о преобладающей роли именно Советской Армии в разгроме фашистской Германии, а о том, что именно СССР заплатил за Победу самую дорогую из всех союзников цену. «В борьбе с фашизмом на каждого погибшего спилберговского “рядового Райана” приходилось примерно 40 русских Иванов... Однако на нынешнем празднике в честь легендарного великого поколения совершенно незаметен советский солдат – тракторист из Самары, артист из Орла, шахтёр из Донецка или выпускница школы из Ленинграда. Всё выглядит так, как будто завоевания великой Америки могут поблёкнуть, если

Схема операции «Оверлорд».

признать ведущую роль Советского Союза в достижении эпохальной Победы прошлого века над фашизмом».

Да, такие суждения немногочисленны. К сожалению, любая веха нашей исторической памяти является для Запада поводом к размышлениям о сугубо конъюнктурных аспектах действующей российской власти и проводимой ею политики. Противодействие проявлению каких бы то ни было имперских амбиций России ставится во главу угла и оказывается главной информационно-пропагандистской задачей. При этом собственно научно-исторические наработки могут попросту игнорироваться или же использоваться выборочно и предвзято. В крайнем случае,

выдвигается довод о том, что память – частное дело каждой страны. В итоге получается, что война продолжается по-прежнему. Как и в течение всего шестидесятидвухлетнего периода после её окончания, она рассматривается и оценивается исключительно через призму послевоенного противостояния Запада и нашей страны. И тогда мы вправе задавать вопросы Западу: может ли подобный прагматизм в отношении прошлого являться достойной данью памяти павших за освобождение мира от фашистской угрозы?

Прекратить войну с памятью о войне способен не только честный ответ Запада, но и отношение к прошлому в собственной стране. То, как обсуждался в Думе вопрос о Знамени Победы, то, что случилось с воинским монументом в Химках, или произошедшее в Калининграде, где были выпущены открытки к 9 мая с рекламой ритуальных услуг для ветеранов, как раз и дало основания обвинить нас в амнезии. Спекуляции с историческими фактами, намеренное их искажение или сокрытие в угоду политической конъюнктуры тоже вызывают страдания памяти и оборачиваются против нас. А сколько можно учреждениям, которые созданы государством и обществом для хранения памяти, под разными предлогами прятать документы о войне? Сколько можно дразнить украинских и балтийских историков недоступностью документов о 1939–1940 гг., травмирующей их историческое сознание, и тем самым давать основания для новых выпадов против нас? А разве можно справиться с трудной ситуацией запугиванием иностранного посла и забрасыванием камнями посольства?

Наступление советских войск. 1944 г.

Понятно, что в угоду чужим и своим перевёртышам от политики и науки раскрытие беспощадной правды о беспощадной войне не остановится. Нам нужна и эта правда, и эта память. А иначе мы все по-прежнему больны и обманываем себя.

4 мая 2007 г.

Консультация по истории для президента Ющенко

На постсоветском пространстве нет президента, который так часто обращается к прошлому. Однако в контексте острой фазы политического кризиса на Украине и «войны памятников» накануне 9 мая не все, к сожалению, обратили внимание на новое заявление Виктора Ющенко. На этот раз по поводу 60-летия акции трагической операции «Висла». С 28 апреля 1947 года в течение трех месяцев польскими войсками проводилась эта операция по принудительному выселению примерно 150 тысяч украинцев во внутренние районы Польши. Украинцев выселяли с древних украинских земель (Холмщина, Подляшье, Надсянье, Лемковщина), которые оказались на польской стороне от границы. Эту демаркационную линию предложил ленинскому правительству ещё в 1920 году министр иностранных дел Англии лорд Керзон как границу для прекращения наступления Красной Армии. В сентябре 1944 года эта линия действительно стала пограничной.

Выступая по случаю юбилея трагических событий, президент Украины произнёс важные слова: «Необходимо последовательно и толерантно продолжать

Операция «Висла».

восстановление исторической правды и справедливости». И еще: «Своё слово должны сказать учёные и общественные деятели». Но как реализовать эти замечательные положения, когда в той же речи Ющенко однозначно сформулировал обвинение: «Виноват в этой операции коммунистический тоталитарный режим. Этот преступник должен, наконец, быть окончательно осуждён на Украине, в Польше и, собственно говоря, во всём мире». Так в очередной раз Ющенко нашёл козла отпущения, на которого можно повесить все грехи и огрехи не только прошлого, но и настоящего.

Непредвзятые историки прекрасно знают, что истоки операции «Висла» уходят в предвоенные и военные годы, что именно от рук антикоммунистической Украинской повстанческой армии (УПА) в результате «волынской резни» 1943–1944 годов погибло от 80 до 100 тысяч поляков (по данным Лиги польских семей – от 150 до 200 тысяч). Теперь это называется «освободительной миссией» УПА! То же самое относится и к антикоммунистической польской Армии Краевой (АК), устроившей резню на Хрубешувщине. И ведь эта армия тоже причислена к участникам национально-освободительной борьбы.

Хорошо, пусть УПА и АК связаны с войной двух народных стихий, как считают некоторые комментаторы. Во имя примирения наций можно принять и такое объяснение. В конце концов, дело Украины и Польши увековечивать у себя УПА или АК. Но консультантам Ющенко не дают покоя слова товарища Сталина о том, что Польша должна стать государством без национальных меньшинств (Потсдамская конференция, 1945 г.). Вот где, оказывается, кроется коммунистическая вина за преследование украинцев в Польше! Правда, при этом тщательно скрывается то, что эта линия осуществлялась поляками ещё со времён почитаемого ныне Юзефа Пилсудского. Именно под его – а не Москвы – руководством осенью 1930 года была проведена «пацификация» (усмирение, умиротворение) украинского населения Галиции и Волыни, в ходе которой закрывались православные храмы, ликвидировались украинские организации. Отряды польской полиции и кавалерии

Выставка, посвящённая «волынской резне» в г. Николаев, Украина. 2010 г.

разрушили 800 сёл, сожгли 500 домов, арестовали свыше 2 тысяч человек. Тогда и возник принцип коллективной ответственности украинцев, который как раз и использовался в операции «Висла» в 1947 году.

Но и здесь возникает вопрос: а какой, собственно, тоталитарный режим был в Польше образца 1947 года? В стране, где наличествует Католическая церковь со всеми старыми привилегиями, частная торговля, единоличный сектор в сельском хозяйстве, где есть многопартийность и даже существенное представительство зажиточных крестьян в воеводских и повятовых органах власти? О каком коммунистическом режиме можно вести речь, если товарища Сталина

так сильно раздражал гомулковский «польский путь к социализму»? В этой политической концепции отрицались пролетарская диктатура, большевизм с его «азиатскими чертами». И наоборот, утверждались традиции польского народа, его историческая память, наконец, ментальность – слово, неведомое тогда русскому языку. Шляхетская же идеология и националистический уклон в демократическом блоке Рабочей и Социалистической партий, чёрная волна ненависти к Красной Армии превратились в главную боль для Кремля.

Значит, не в коммунистическом тоталитарном режиме причины «Вислы», как бы того кому-то ни хотелось. Украинско-польская вражда, стоит напомнить, началась ещё в первой половине XIV века, когда распалась Галицко-Волынская держава. В 1947 году окончательная «деукранизация» и «полонизация» Польши стали реальностью.

В багаже политических элит современной Европы начиная с начала XX века, с Балканских войн и Первой мировой войны, важное место занимает национализм – особый тип государственной идеологии и практики решения внутренних проблем за счёт преследования и изгнания национальных меньшинств. Принцип признания их прав, являвшийся – по крайней мере, формально – одной из основ послевоенного устройства Европы с 1918 года, потерпел поражение. Вынужденная депортация и обмен населением стали обычной практикой как мирного, так и военного процесса. Вторая мировая война стала кульминацией этого явления. Насильственное переселение в

начале 1943 года коснулось более 30 млн. европейцев, а на протяжении последующих лет ещё 20 млн. В Советском Союзе в 1944 году насильственной депортации – правда, в пределах одного государства – были подвергнуты примерно 489 тысяч чеченцев и ингушей и около 185 тысяч крымских татар.

Как справедливо замечает профессор Стэнфордского университета Норман Неймарк, потенциал этнических чисток до сих пор не исчерпан. Ни одно государство не застраховано от этой опасности. Следы этого явления можно найти в любом обществе, поскольку соответствующий потенциал заложен в нас самих. Следовательно, международное сообщество должно быть подготовлено к этому. А стенания по поводу вины коммунистического режима, инструментализация прошлого во имя текущей политической конъюнктуры на самом деле уводят от понимания природы этнической чистки и её перерастания в геноцид. Ведь ни для кого не секрет, что искривлённый образ украинцев продолжает продуцироваться в Польше, что не все в политической элите настроены на исправление обид, нанесённых украинцам, что «дружба народов», как заметил глава Объединения украинцев Польши Пётр Тыма, не такая сладкая, как может показаться из уютного киевского или варшавского кабинета. Возможно, поэтому Ющенко потребовал от историков и общественных деятелей «прекратить дискуссию о роли УПА или Армии Краевой».

Однако если идти по пути запретов и награждать орденами лишь послушных историков, если и дальше

№ 139/19.

Об отмене ограничений в почтах

ПРЕД ПРИБЛИЖИТЕЛЬНО ПЯТИ ЛЕТАМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ И РЕШЕНИЯМИ ПАРЛАМЕНТА СССР ИЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР ОГРАНИЧЕНЫ ПРАВА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ ИЛИ ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ВЫСЕЛЕННЫХ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, А ДАЛЕЕ ИМ НЕ ВЫЗЫВАЕТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

**УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Дата: _____ 1956 г.

РАБОЧЕЕ БЮРО
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Об отмене ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении выходящих на спецпоселение чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселенцев и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.
2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - И. ИГОЛОВ.

Москва, Кремль
16 июля 1956 г.

42

продолжать жертвовать правдой ради «окна» на Запад, то скоро под сомнение будет поставлено и право Красной Армии на победу над гитлеровской Германией и на освобождение Украины и Польши. И делает это, судя по всему, действующий президент Украины. Если успеет. Пока же весьма интересно, какие указания поступят от него по поводу начавшейся войны с памятниками во Львове, по поводу 70-летия начала операции НКВД № 00447 по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. Крайне любопытно знать, что произойдёт и с 90-летием Октябрьской революции, особенно в связи с ожидаемым присвоением учебным заведениям, учреждениям и военным частям, к видимому удовольствию президента, «имён выдающихся деятелей украинской революции 1917–1921 годов, а также рассмотрения названия или переименования улиц, площадей, переулков, проспектов, парков и скверов в их честь».

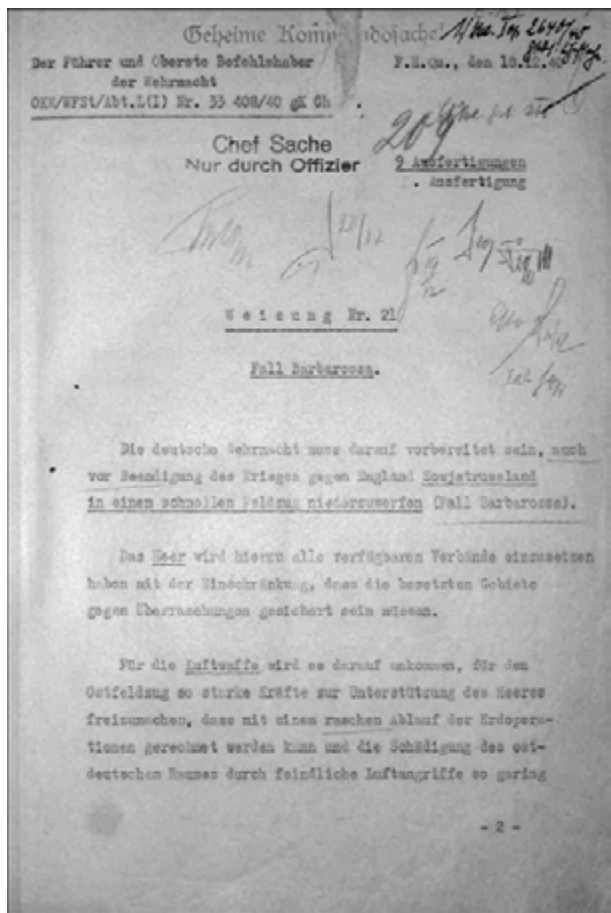
Как видно, план исторических дат богатый, и скоро мы станем свидетелями ещё одного захватывающего сеанса простоты исторических объяснений. А всё потому, что настоящее Украины, похоже, по-прежнему не там и не то.

16 мая 2007 г.

О НОВЫХ СМЫСЛАХ Дня скорби и памяти

Великая Отечественная война, начавшаяся 66 лет назад, вошла в историю как самое страшное событие в многовековой череде столкновений и конфронтаций России и Германии. Вражда двух народов привела к тяжелой коллективной травматизации и определяла до сегодняшнего дня сознание, мышление и смыслы памяти последующих поколений.

С середины 1960-х годов в Германии пробил себе дорогу новый взгляд – война против Советского Союза велась с нарушением международных законов и обычаев войны. Хотя некоторое время завоевательный поход на Восток в целях пропаганды объявлялся освободительной войной против коммунизма, из литературы самих идеологов национал-социализма было известно, что настоящая цель гитлеровской политики заключалась в захвате экономического пространства для Германской империи и в создании жизненного пространства для миллионов немцев, которых предполагалось поселить там в течение 25 лет. При этом сознательно принималось во внимание то обстоятельство, что многие из 10 млн. людей, уже живущих на этой территории, будут излишними, или им придется переселиться в Сибирь. Эта стратегия подготавливалась расовой теорией национал-социа-

План «Барбаросса».

лизма, провозглашавшей биологическую и социальную неполноценность славян. По немецким расчетам, предполагалось изгнать или уничтожить русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев, цыган. В соответствии с этим война против России, СССР велась как завоевательная и истребительная война, без всяких «но» и «если». Классификация военного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения. Этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения.

В России также благодаря усилиям отдельных писателей, кинорежиссеров и историков происходило расширение пространства памяти, обращение к ранее закрытым сторонам войны – репрессивным акциям в начальный её период, пленению, депортациям, предательству, коллаборационизму. Под вопрос поставлены утверждения о стабильности личной диктатуры Сталина и монолитном единстве советского общества.

Казалось бы, так будет и дальше. Переосмысление прошлого ликвидирует зоны антипамяти, пресекает попытки подчинения или локализации памяти. Однако 60-летие окончания Второй мировой войны привело черту под прежними смыслами памяти. Постсоветское пространство, как это ни парадоксально, стало подпитывать неофашистские идеи, а в странах Балтии и некоторых областях Украины обозначились тенденции героизации нацистов. Самым же опасным стало насильственное уничтожение памятников солдатам, с которыми должна исчезнуть и память о войне.

Новые сценарии управления памятью не учли, правда, одной, крайне важной стороны в реакции России. В то время как российские политики втягивались в неадекватную, неуклюжую полемику, запугивая экономическими санкциями маленького северного соседа, подлинное общественное мнение вдруг обнаружило иной смысл памяти. У памяти есть веские обвинения в адрес обеих сторон – как власти, так и общества. За то, что мы слышали эти обвинения, стоит поблагодарить эстонских политиков. Запуская «этнополитический бумеранг», они явно не рассчитали «критическую точку» его приземления. Защищая советские памятники на чужой территории, мы, наконец-то, честно задумались и открыто заговорили о состоянии памятников на своей земле, о характере отношения к тем, кто сражался и умирал. В мае этого года открылась не просто печальная, а опасная для нации картина. Оказалось, что можно, как в Химках, запросто, под надуманными предлогами, скрытно переносить останки советских лётчиков, а во имя коммерческой выгоды, как в Питере, начать готовиться к перепахиванию Марсового поля и уничтожению «Красной горки». И вот тут народ зароптал, потому что в таком пренебрежении к памяти почувствовал собственное унижение. Естественно, общественная критика – не эстонских, а своих политиков – не была замечена на телеканалах, не получила организованного оформления, но повсюду – в транспорте, в очередях, на праздничных посиделках – эта тема стала едва ли не главной в обсуждении текущих событий. Естественно, темой памятников людская молва

Работы на месте могил лётчиков в Химках.

не ограничивалась. Напрямую говорили о слабости наших дипломатических и военных структур, не способных решить элементарные задачи по защите чести погибших в войне, об исправлении ошибок – как собственных, так и предшественников. И не только по случаю Дня Победы или Дня памяти и скорби надо исправлять ошибки, причём делать это надо поскорее, потому что попытки ущемления исторической памяти со стороны нечистоплотных политиков не прекратятся. Нетрудно предугадать, по какому самому болезненному (из-за его непрояснённости и стыдливого замалчивания) месту будут наноситься удары, – конечно, связанному со всем советским, коммунистическим.

Президенту Ющенко не удалось сохранить политическое напряжение на волне голодомора, поскольку даже неискушенным школьникам стало понятно, что нельзя назвать геноцидом то, что проводилось в 30-е годы собственными руками под руководством своего же украинского руководства против не только украинцев, но и русских, татар, евреев. Не вызвала нужного резонанса и антироссийская трактовка проведённой против украинцев операции «Висла». А политическая ситуация срочно требует чего-то свежего, острого. И тут под рукой оказалась идея переименования Музея тоталитаризма в Музей советской оккупации. Понятно, что вести разговор о репрессиях и Большом терроре – значит, наступить на «голодоморовские грабли». Надо поднять вопрос глобально – о советской (читай – русской) оккупации. И здесь я снова спешу выразить благодарность – на этот раз тому украинцу, который прислал в киевскую газету «День» точное заключение: «Сапог оккупанта, случилось, принадлежал оккупированным». Стоит поблагодарить и тех создателей стержневых экспозиций музея, которые неожиданно для власти поспешили откреститься и от такого музея, и от его попечителя в лице украинского «Мемориала». Но вряд ли это смутит украинского президента. Впрочем, все совершённые им «исторические» шаги банальны: как только намечается приближение Украины к России, Ющенко и его обласканные наградами историки сразу запускают провокацию, чтобы отойти от России. И неважно, что на такие способы легитимации своего режима общество реагирует болезненно, что страна раскалывается.

В унисон Украине действуют и некоторые высокопоставленные эстонские чины. Они даже замыслили создать такую «повесть о прошлом», которую смогли бы разделить все жители Эстонии. Конечно, заманчивая цель. Но вот выполняема ли она после полного фиаско с Бронзовым солдатом? И вот, следует предложение – сделать всех погибших солдат жертвами обоих диктаторов – Гитлера и Сталина. Раздался призыв вообще десталинизировать понимание войны. Причём, речь идёт не о десталинизации историографии, а об отказе вообще от Сталина в истории войны. К тому же дело не ограничивается созданием эстонской унифицированной истории. Сделать это просят и нас. Тогда, мол, нам не придётся оправдывать «преступления СССР».

Вот так, попав однажды в плен фобийного мышления, взывая к десталинизации, что провоцирует новый всплеск сталинизма, радители новых «повестей о прошлом» и не заметили, как снова превращают историю в послушную идеологическую служанку, как пускают под откос пятнадцатилетние усилия профессионалов по возвращению исторической науки самоценности и независимости от политической конъюнктуры. Дальнейшая логика таких действий известна. Уничтожение могил и разрушение памятников, запрет говорить и писать о неудобных, а часто – позорных периодах национальной истории, притеснение языка и культуры других этносов, насильственное обращение в свою национальность и религию – предвестие этнической чистки и изгнания народов.

22 июня 2007 г.

Большой террор: национальное измерение

70 лет назад, 5 августа 1937 года, в СССР начались масштабные репрессии, направленные на окончательное решение проблемы внутренних врагов страны, то есть на профилактическую социальную чистку в предвоенной ситуации. Она соединила в себе цепочку операций, проведённых в 1937–1938 годах, которые позднее получили название «Большой террор». В этих акциях чётко просматриваются три измерения.

Наибольшую известность получила чистка политическая – так называемая кадровая революция, которая началась еще осенью 1936 года. Хозяйственные руководители и партработники, военные, писатели и учёные, советская элита, представители которой оказались на скамье подсудимых во время знаменитых московских процессов, собственно, и сформировали наше первоначальное представление о жертвах террора.

Второе – ключевое – измерение террора сегодня связано с выполнением операции (её часто называют «кулацкой») по оперативному приказу НКВД за № 00447 от 30 июля 1937 г., утверждённому Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля. Этот «приказ смерти» определил «целевые группы» террора и представил их

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.

Остаток копий воспроизводится (Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 2)

Вручена *М. В. Бордюгов* Итого П. Ф. № **01** п. **38**

26. VII. 38 г.

ШИФРОВКА

Иркутская отправлена 15-54 26.17 1938 г. Поступила в ЦК ВКП
и расшифрована 26.17 1938 г. ч. 19 м. - Вх. № 472/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.
Н К В Д тов. ЕЖОВУ.

Ввиду значительной засоренности области право-троцкистскими
лик-комгольскими и кулацко-белогвардейскими элементами, подпадаю-
щими под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнитель-
ный лимит по первой категории для Иркутской области 4 тысячи.

И. О. СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОКРУГА ВКП(б) ФИЛИППОВ.
И. О. НАЧАЛЬНИКА ОКРУГА ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛЫШЕВ.

З. А. Бордюгов
В. Шолохов
К. Яковлев
К. Кашинов
Е. Жуков

Иркутская 26.17 1938 г. ч. 19 м. 20 Получено 4 30 Иркутки.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

Инструкция составлена три раза только в секретных экземплярах.
При составлении имеет исключительное значение указание, что секретный лист, листок, выписка, вырезка
должны удаляться и уничтожаться.
Лист не только уничтожается также в секретных экземплярах, но и уничтожается также в секретных экземплярах.
Лист и выписка уничтожаются в одном экземпляре, который и передается на уничтожение.

в проскрипционных списках. Среди них оказались «бывшие кулаки», «члены антисоветских партий», «участники повстанческих, фашистских, шпионских формирований», «церковники». Но появилась и новая

категория – уголовные преступники. Так, политическое руководство, с одной стороны, криминализировало социальную стихийность, неповиновение, с другой – политизировало обычные преступления, приравняв их к оппозиции советскому порядку. Приказ устанавливал меру наказания (смертная казнь – первая категория, от 8 до 10 лет лагеря или тюрьмы – вторая) и определял квоты репрессируемых по областям, краям и республикам СССР. Общее количество приговорённых по этому чудовищному приказу составило 767 397 человек, из которых 386 798 человек были расстреляны (данные М. Янсена и Н. Петрова).

Третье – наименее изученное – измерение террора связано с ликвидацией в период с февраля до середины апреля (на самом деле, до ноября) 1938 года «контрреволюционных национальных контингентов». Поначалу эти репрессии находились в тени основной операции («кулацкой»). Однако параллельно с ней уже в конце июля 1937 года началась «немецкая» операция (приказ НКВД № 00439), в августе – ликвидация «польских диверсионно-шпионских групп» (приказ № 00485), в сентябре – так называемых харбинцев, то есть вернувшихся на Родину в основном русских работников КВЖД, причисленных к «японским шпионам» (приказ № 00593). Самой крупной операцией стала массовая высылка из Дальневосточного края всего корейского населения в Казахстан и Узбекистан. Все эти четыре акции были связаны с «главными противниками» СССР – Германией, Польшей и Японией. Соответственно складывались и факторы репрессий, связанных, по версии НКВД

и ЦК, с активизацией разведывательных органов указанных стран, прежде всего, в пограничных районах и регионах с предприятиями оборонных отраслей, их переходом к диверсионной и повстанческой деятельности.

В 1938 году начались репрессии против проживавших на территории СССР представителей народов, имевших собственную государственность. Среди них афганцы, эстонцы, латыши, финны, греки, иранцы, китайцы. Под маховик Большого террора попали также румыны, болгары, македонцы и многие другие. По всем «национальным» приказам НКВД за «шпионаж и диверсии в пользу иностранных государств» было осуждено 335513 человек (более 73 процентов приговорены к расстрелу).

Национальное измерение есть и у сердцевинной для Большого террора акции по приказу № 00447. По этому поводу время от времени возникают как понятная полемика, так и бессмысленные политические спекуляции. Историки, к примеру, часто цитируют слова наркома внутренних дел Украины Александра Успенского, для которого поголовно все поляки и немцы, проживавшие тогда на территории УССР, были «шпионами и диверсантами», но и 75–80 процентов украинцев являлись для него «буржуазными националистами». Против «контрреволюционных националистических элементов» боролся в Грузии нарком Лаврентий Берия, а в Татарстане – начальник Управления НКВД Владимир Михайлов. В Туркмении были озабочены активностью вооруженных националистических сил (бывших басмачей и предста-

вителей духовенства), выступавших за создание «турецко-татарского государства». От национальных компартий республик широким потоком шли запросы на повышение расстрельных квот, в том числе в ходе «национальных операций».

Однако теперь репрессии против «националистов» нередко связываются не со сталинским, а еврейским или русским (или «москальским») режимом. Впервые подобную подмену произвели нацисты, которые после поражения в Сталинградской битве сделали акцент на этническом моменте Большого террора, пытаясь, таким образом, мобилизовать национальные воинские формирования под эгидой вермахта.

Потом национальную карту террора стали разыгрывать различные эмигрантские круги. Так происходило недопустимое размывание смысла страшной трагедии XX века. Сегодня жертвы репрессий прагматически используются как фигуранты в политических раскладах или предвыборных кампаниях. Рано или поздно общество осознает тупиковость этих опасных игр с памятью и вернётся к тем трудным и болезненным вопросам, которые способны упреждать новые катастрофы. Во всяком случае, вопрос, почему десятки тысяч граждан СССР с готовностью доносили на своих сослуживцев, соседей и даже близких, а некоторые чекисты жертвовали собой ради спасения незнакомых людей, блокируя эти доносы, не связан с их национальной принадлежностью.

3 августа 2007 г.

Крымская карта в раскладах Ющенко

Сочинский олимпийский бум неожиданно – но ожидаемо – вернул многих отдыхающих из России в Крым. И большинство из них после многолетнего отсутствия вдруг открыли для себя удивительные вещи. По всей дороге на Южное побережье Крыма густо расставленные рекламные щиты зазывают вас расслабиться с водкой «Nemiroff», «Myagkoff» и «Vlagoff», а заодно непременно приобрести здесь участок земли или апартаменты. А вот чтобы узнать о наборе лечебно-оздоровительных услуг, о культурных акциях на полуострове, надо очень постараться. Зато вы быстро ощутите акустический дискомфорт по вечерам, столкнётесь с непомерно высокими ценами на городских рынках, побываете в автомобильных пробках, почувствуете разницу между гламурными набережными и жилыми кварталами с их разбитыми дорогами, помойками, недоброжелательностью к приезжим. И по пути к пляжу через знакомый парк вы не увидите реликтовых деревьев, вырубленных под так называемые «клубные дома».

Правда, поначалу все эти грустные наблюдения скрашивают солнце, море, горы, уникальные природные памятники. Однако, вдоволь наотдыхавшись, невольно начинаешь присматриваться к окружающему, вступать в разговоры с местными жителями,

Митинг крымских татар.

смотреть украинское телевидение и даже читать крымские газеты. И тогда получаешь новую порцию удивлений, которые в России до того воспринимались как заказная информация, как борьба за потоки отдыхающих.

Наиболее остро дебатруется в Крыму земельный вопрос, бесконтрольный выкуп земли, чуть ли не гектарами, в заповедных районах (вокруг Царской тропы в Ливадии, плато Ай-Петри и т. д.). Тревога по поводу продолжающихся самозахватов земли крымскими татарами стала уже привычной, но непривыч-

но случившееся в этом году перерастание их в погромы. И дело, конечно, уже не в попытке сорвать курортный сезон, как нам объясняют российские СМИ. Изнутри ситуация видится по-другому, и безусловно, она не сводится к созданию очередного повода для кадровой ротации накануне внеочередных выборов. В конце концов, лояльные Киеву руководители приходят и уходят, а Крым остаётся. Время до 30 сентября, похоже, станет апогеем в жестоком и наглом переделе собственности. Неслучайно Республиканский комитет по земельным ресурсам Крыма напомнил, что массовые захваты начались буквально на второй день после президентских выборов 2004 года. За ними хорошо просматривался организованный бизнес с многомиллионным оборотом на чёрном рынке земли. Здесь ни для кого не является секретом, что все крымские татары, которые живут в Крыму, уже имеют земельные участки или квартиры, среди них нет ни бездомных, ни бомжей. Появились крымские татары, которые имеют по шесть-восемь приусадебных участков. В некоторых районах уже продают незаконно занятые участки по 10 тысяч долларов за сотку. А по признанию руководителей земельного комитета республики, каждый претендующий на землю крымский татарин платит руководителям «мобильных групп» захватов от пяти-сот до тысячи долларов. По скромным подсчётам, это семь-восемь миллионов, которые в дальнейшем используются для подкупа участников акций протеста. Получается, что никто не выходит на акции бесплатно.

Такое решение земельного вопроса органично дополняется и разными политическими акциями. К примеру, уже второй месяц в Крыму активно дебатруется решение президента Ющенко амнистировать организатора избиения журналистов в Симеизе и националистической резни в симферопольском баре «Cotton club» Куртсеита Абдуллаева. По мнению членов парламентского большинства, это спровоцировало новые межнациональные столкновения и развязало руки экстремистам меджлиса (нелегального этнического «парламента»). В то же время руководители крымских Русской общины, отделения Партии регионов и партии «Русский блок» открыто назвали причину внезапного помилования – прямая договорённость Ющенко с лидерами меджлиса. «Наш президент ещё раз демонстрирует, что политическая целесообразность и его личные долги перед меджлисом и курултаем выше, чем законность, мораль, интересы общества и государства», – заявили политики на пресс-конференции в Севастополе.

Получается, что, как и прежде, никто президентские структуры, кроме меджлиса, не поддерживает, и Ющенко вновь захотел получить голоса крымских татар на предстоящих выборах. Получается, что его не смущает провозглашенная в уставе меджлиса цель – национальная автономия и независимость Крыма, что противоречит конституции Украины. Его не волнует то, что меджлис давно уже стал источником межнационального напряжения, в том числе между «старотатарами» и новыми, пришлыми, и что лояльность меджлису высказывает не более 30 процентов

крымских татар. И если это так, то уже не удивляет, что именно при Ющенко появилась тревога, что полуостров может стать новой Чечней или Косово.

Но значит ли это, что большинство избирателей, как и раньше, проголосует за бело-голубых? Связывается ли с ними или всё-таки с коммунистами (как в Севастополе) прекращение самозахватов и переделов, возвращение власти, которая занимается повседневными хозяйственными вопросами людей, элементарным наведением порядка, когда милиция выезжает не только на происшествия, в которых используется огнестрельное оружие? Скорее нет, чем

да. Нет былого доверия и Януковичу и его окружению. Прежде всего потому, что жители Крыма вдруг ощутили, что Крым по-настоящему никому не нужен. Он стал либо источником обогащения, либо «спальным районом» для богатых украинских граждан. Никто пока не предложил ясной, конкретной программы развития республики, возвращения ей былой привлекательности и уникальности, принадлежности не одной стране, а всему миру. Но время ещё не потеряно. Предвыборная борьба вступает в решающую фазу.

28 августа 2007 г.

Укрощение прошлого

Политическая пауза, возникшая в Польше в период роспуска Сейма, позволила задуматься о странностях отношения к общему прошлому в наших странах. Ведь едва ли еще какое-либо соседство в Европе было так явно отмечено притяжением и отторжением и так сильно повлияло на ход европейской истории, как русско-польское, а ещё русско-немецкое, немецко-польское. А также и трёхсторонние измерения такого соседства. Эта комплексная история обладает неизменно актуальным воздействием на ход политических процессов в Европе. Сегодня она ещё больше, чем ожидалось 10–15 лет назад, находится под влиянием образов, стереотипов и предрассудков. Мифологизация, политизация и исторические аналогии в отношениях между немцами, русскими и поляками переживают в начале нынешнего столетия своё возрождение. Иногда вновь преобладает антипросветительская тенденция, и кажется, что молодые готовы повторить ошибки старшего поколения.

Почему так происходит? Почему политики в сиюминутных целях обращаются к старым предубеждениям, используют живую традицию памяти о нанесённых обидах? Ответы на эти вопросы пытались найти польские, российские, немецкие историки и жур-

налисты, собравшиеся на днях на Волге по инициативе Фонда Фридриха Науманна и Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

Крайне неожиданно было услышать от некоторых польских коллег упрёк в адрес нынешних своих правителей о том, что они стали своеобразными носителями всех наихудших фобий, возникших вследствие существовавших в XIX и XX веках предубеждений в отношении Германии и России. Из всего этого возникла «романтично-националистическая» мания и образ Польши как находящейся в изоляции в Европе и мире, сражающейся с подстерегающими её мнимыми врагами. Такая чёрно-белая картина трагична не только сама по себе, но и с точки зрения современной идеи объединённой Европы. В то же время она поставила под серьёзную угрозу возможность найти какой-либо модус вивенди с современной Россией.

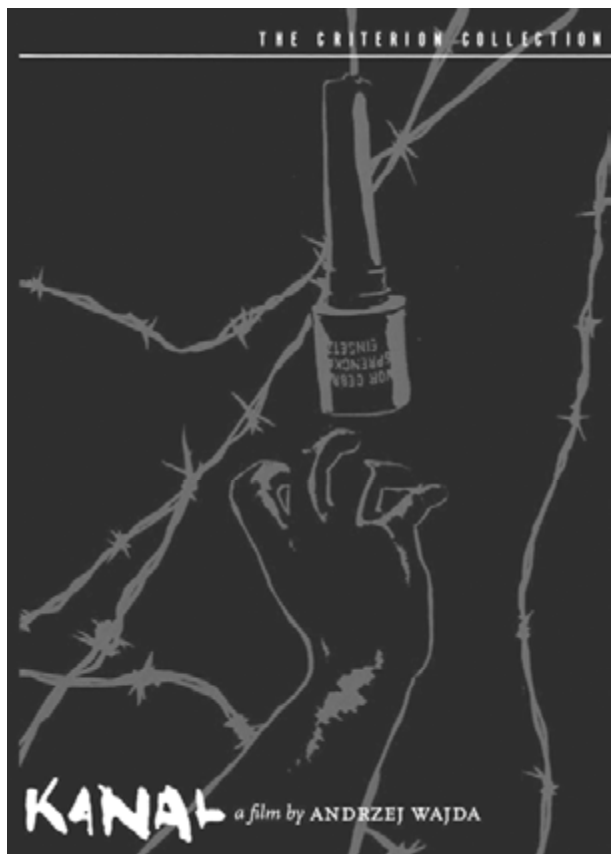
Российские же историки признали, что польский обыватель вряд ли осознаёт, как именно новый официальный российский праздник 4 ноября связан с событиями польской истории, относящимися к началу XVII века. Простые люди крайне далеки и от понимания проблемы юридической ответственности польских властей за массовую гибель красноармейцев и красных командиров в польском плену в 1920–1921 годах. На российско-польские отношения существенно влияют и различия в трактовке преступления в Катыни, пакта Молотова–Риббентропа, действий Красной Армии в 1939 году, значения освобождения Польши советскими войсками в 1944–

1945 годах. В отношениях же между Россией и Германией и в исторической памяти обоих народов до сих пор значимы вопросы возвращения перемещённых в годы войны культурных ценностей, осмысление германских преступлений в России и советских преступлений в Германии под конец Второй мировой войны.

Немецкие учёные поставили вопрос: почему критическое осмысление прошлого легче для проигравших? Чем вызвано, что победители с трудом отваживаются на пересмотр событий прошлого? При определённых условиях возникает контекст, названный «культурой поражения». В частности, полякам после Второй мировой войны трудно признать, кто оказался побеждённым, кто победителем: принадлежа *de jure* к победителям, *de facto* они ощущали себя потерпевшими поражение. Однако из этого совсем необязательно следовало осмысление истории. Ситуация могла способствовать и сложению мессианских картин прошлого («Польша Сенкевича»), однако есть и контрпримеры: фильм Вайды «Канал», «Два отечества, два патриотизма» Липского.

В рамках немецко-польско-русского исторического дискурса сегодня возникло три культуры воспоминаний.

В немецкой культуре воспоминаний центральную роль играет негативное отношение к нацистской диктатуре и её преступлениям. Критическое осмысление прошлого привело к выработке у немцев антиавторитарного консенсуса. Даже стойкие легенды, культивировавшиеся в ФРГ на протяжении десятилетий,

как легенда о «незапятнанном вермахте», якобы не имевшем никакого отношения к уничтожению евреев и славянского населения Восточной Европы, отвергаются сейчас и наукой, и общественностью. Однако чтобы добиться этого, потребовалась постоянная, тяжёлая борьба за трудное дело освоения прошлого. В то время как одни стремились к умолчанию, стремились вытеснить из памяти, «забыть», другие ратовали за работу над ошибками прошлого, за критическое осмысление истории.

Польская культура воспоминаний определяется в настоящее время различными традициями. Доминирующим оказывается поддерживаемое антикоммунистической версией истории стремление представить прошлое Польши как борьбу за свободу, героическое сопротивление иноземному владычеству (прежде всего русскому и немецкому). В то же время плюралистическая историческая культура трансформационного периода, начавшегося после 1989 года, опирающаяся на субнациональные темы и пытающаяся демифологизировать национальную историю, ушла в оборону.

В России приметы возвращения к советской версии истории ещё больше бросаются в глаза, чем польский вариант – к националистической версии. Критическому осмыслению переломных моментов в истории мешает не столько ситуация на местном и региональном уровнях. Здесь, скорее, сказывается положение в общенациональном пространстве идей, страдающем одновременно как от политической инструментализации, так и от комплексов национальной истории.

Как точно заметил директор Польского института в Германии профессор Дитер Бинген, «укрощение прошлого» всегда было и есть «укрощение современности». Действительно, вопросы, поднятые прошлым, нагоняют и накрывают вопросы, поднимаемые современностью. Получается, что невозможно совместить исторические версии русских, немцев и поляков, трудно справиться и с проблемными зонами трёхсторонних отношений. Не все учёные согласились с такой ситуацией и предложили для будущего развития триалога обсудить проблемы соотношения национальных историй и европейской истории, которая способна преодолеть доминирование политики в отношении прошлого того или иного государства.

17 сентября 2007 г.

Как разваливалась Российская империя

Все, кто внимательно следят за бурной дискуссией в связи с 90-летием Великой революции, вправе удивиться: почему забыли о её национальных аспектах? Разве они не были тесно сплетены с социальными? А ведь потрясшие весь мир события произошли в Российской империи, имевшей очень сложную социально-этническую структуру. И неизвестно, социальный или этнический фактор сыграл большую роль в грозных событиях того времени. К примеру, в одном из главных вопросов революции – земельном – в крестьянской России беднейший слой одной этнической группы нередко хотел завладеть помещичьими владениями другого этноса. Но и в городе пришедшая из деревень молодёжь в своём социальном восхождении наталкивалась на сопротивление чужих для неё этнических групп.

Отречение царя в марте 1917 года не смогло автоматически, как казалось некоторым политикам, решить национальный вопрос в Российской империи. Национальные движения на её окраинах поднялись с невероятной силой, и они не могли принять требование Временного правительства о «единой и неделимой России». И тем не менее дискриминация

2 евро, выпущенные в честь 90-летия независимости Финляндии.

инородцев была отменена, автономии Финляндии и Царства Польского были восстановлены. Остальные нации не получили каких-либо территориальных прав. Недооценка остроты национальных проблем, конечно, дорого обойдётся новой демократической власти. Правда, в июне под давлением массового движения крестьян и солдат на Украине Временное правительство передаст часть своей власти Центральной Раде, признает национальный принцип как основу административного членения страны.

В сентябре 1917 года в Киеве на Конгресс народов России собрались 93 делегации. Они представляли практически все крупные этносы и национальные группы, за исключением поляков и финнов. И хотя Конгресс выступил за создание в России демократической федеративной республики, было ясно, что национальные интересы берут верх над общим единением. В национальных движениях быстро распространялись радикалистские настроения и даже, как сказали бы сейчас, «агрессивный национализм». Неслучайно на выборах в Учредительное собрание

в ноябре 1917 года большинство нерусских жителей страны проголосовали за свои национальные партии. Между стремлением Временного правительства сохранить единство и неделимость России и требованиями большевиков не только о земле и мире, но и о самоопределении народов нерусское население (примерно 57 процентов состава империи) предпочло последнее. Декларация прав народов России, изданная 2 (15) ноября 1917 года, предложила нациям право на самоопределение вплоть до отделения. В тот момент еще не вполне осозанным был факт, что национальное самоопределение большевики подчиняли принципу классовой борьбы.

После роспуска Учредительного собрания 5–6 января 1918 года центробежные тенденции проявились в полной мере. К февралю независимость провозгласили Финляндия, Эстония, Литва, Украина и Молдавская республика (Бессарабия), в марте – Белоруссия, в апреле – Закавказская Федерация. В Туркестане, Казахстане, Башкирии, Северном Кавказе ещё в конце 1917 года была провозглашена территориальная автономия. На быстрый распад империи серьёзным образом повлиял и внешний фактор. Летом 1918 года после подписания Брестского мира и на фоне разгоравшейся Гражданской войны Польша, Литва и Украина выступили как национальные государства под германским протекторатом. Эстония, Латвия и преимущественная часть Белоруссии были оккупированы немцами, Финляндия находилась под немецкой защитой, Бессарабия воссоединилась с Румынией, Грузия, Армения и Азербайджан после распада

Закавказской Федерации выступали как самостоятельные государства. На Северном Кавказе, в Средней Азии и Сибири ситуация не прояснилась – здесь схлестнулись автономистские движения, большевики и русские контрреволюционные силы. Ситуацию осложнила интервенция иностранных государств.

Однако развал империи не означал конца многонациональной Российской державы. Терпя поражения, уступая и отступая, большевистская власть к концу Гражданской войны постепенно вернула потерянные окраины (через два десятилетия, за исключением Польши и Финляндии, страны Балтии, Западная Белоруссия и Бессарабия окажутся присоединёнными к СССР). Историки называют целый комплекс причин удавшегося «собрания земель» царской империи. Среди них русско-национальные и реакционные программы «белых» армий и интервентов, поддержка большинства преимущественно русского индустриального пролетариата и крестьянства, спад национальных движений. Сыграло роль и задействие принципа «разделяй и властвуй» при использовании социальных и этнических антагонизмов и др. Крайне важным является тезис о том, что выделять «национальные революции» в качестве самостоятельных не следует, они были в большинстве своём вариантами аграрной революции. В 1917 году нации и этносы не «предавали», а «побежали» от разрушавшегося имперского центра. Как только имперский центр стал укрепляться, центробежные силы вновь проявили себя.

УСТАУНАЯ ГРАМАТА

РАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ.

Год назад народы Беларусі разам з народамі Расіі скінулі ярмо расійскага царызму, які найцяжэй прыціснуў бы Беларусі; ні пытаючыся народу, он укінуў наш край у пажар вайны. Ілкан чыста зруйнавала гарады і нескі беларускіе.

Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, скідаем з роднаго краю апошняе ярмо дзяржаўнай залежнасці, якое гвалтам накінулі расійскіе цары на наш вольны і нізалежны край.

Ад гэтаго часу **Беларуская Народная Рэспубліка абвешчаецца Нізалежнай і Вольнай Дзяржавай**. Самі народы Беларусі, у асобі свайго **Устаноўчаго Сойму**, настанавіць аб будучых дзяржаўных з'вязях Беларусі.

На моцы гэтаго трацяць сілу усе старыя дзяржаўныя з'вязі, якія далі магчымасць чужому уряду падпісаць і за Беларусь трактат у Версэці, што забівае на сьмерць беларускі народ, дзелючы зямлю яго на часткі.

На моцы гэтаго урад Беларускай Народнай Рэспублікі мае увалясць у адносіні з зацікаўленымі старанамі, прапануючы ім перагледзіць тую частціну **Версэцкага Трактата**, якая датычыць Беларусі, і падпісаць міраную умову з усімі паваленымі дзяржавамі.

Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбонную перавагу беларускі народ, а дасьне: **Магілёвшчыну, беларускія частці Меншчыны, Гродзеншчыны (з Гроднай, Беластокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смаленшчыны, Чарніговшчыны і сумежныя частці суседніх губерняў, заселеныя беларусамі.**

Беларуская Народная Рэспубліка падцьверджывае усе тыя правы і вольнасці грамадзян і народу Беларусі, якія абвешчаны **Устаноўнай Граматай ад 9 сакавіка 1918 году.**

Абвешчаючы аб нізалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі, Рада яе пакладае свяс надзеі на тое, што ўсе любячые волю народы данамогуць беларускаму народу у поўнай меры дзейснаць яго палітычна-дзяржаўныя ідэалы.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі.

90-летие Октябрьской революции даёт повод задуматься о том, способен ли был социализм устранить национальные антагонизмы и открыть дорогу к сверхнациональному мировому сообществу. Понятно, что поначалу большевики хотели донациональное устройство царской империи заменить пролетарско-интернационалистским. Однако уже в 1918 году они вернулись к эсеровскому принципу федерализма, а в декабре 1922 года создали федералистское союзное государство, в основу которого легло выделение территорий по их национально-языковым характеристикам, что, конечно, противоречило коммунистической идеологии. Принцип самоопределения наций заменил принцип равенства внутри союзного федеративного государства. В руководящую сферу вовлекались нерусские элиты, проводилась политика «коренизации» – повышение доли местного, коренного населения в аппаратах управления, развивались «малые» языки, учреждались национальные школы. Всё это неимоверно расширило поддержку большевиков со стороны большинства нерусских народов.

Однако объективные процессы консолидации наций, роста национального самосознания пришли в противоречие с устремлением власти демонтировать национальные начала, укреплять единое советское государство. Последовали чистки в конце 20-х и «национальные операции» НКВД во второй половине 30-х годов. 40-е годы ознаменуются массовыми депортациями и появлением русско-национальных акцентов в кремлёвской политике. Всё это не могло не ускорить назревание национальных конфликтов,

радикализовать требования выходящих из подполья национальных движений. Как и после Октябрьской революции, начался парад суверенитетов. А в конце 1991 года Советский Союз прекратил своё существование.

Что впереди у постсоветского пространства? Какая культура воспоминаний доминирует сегодня? Наблюдается ли ностальгия по супернациональной системе политических, социальных и культурных коммуникаций? Юбилей Октября – хороший повод оглянуться в прошлое, чтобы лучше понять настоящее.

6 ноября 2007 г.

2008

Византийский интерес, или Национальные уроки

Почти две недели российскую общественность будоражили трехкратным показом фильма «Гибель империи. Византийский урок», а в довершение – его обсуждением в программе «Национальный интерес» на телеканале «Россия». Отчего же шумим? В чем смысл урока?

Автор фильма, архимандрит Тихон, используя современные мультимедийные средства, читает нам лекцию об истории Византийской империи и причинах ее гибели. В самом сжатом виде они сводятся к следующему: смертельно потерять государственный контроль над всем и вся, опасно отдавать торговлю западным менеджерам, непозволительно вовлекаться в европейское пространство, сулящее деградацию и зависимость, нельзя пренебрегать стабильностью и бездарно растрчивать «стабилизационный фонд». И ещё – недопустимо забывать о воспитании преемника и правильном решении проблемы преемственности власти.

За всем этим – смысловые прокладки, связанные с этноцентризмом (сюжет о «еврейских капиталах»), антизападничеством (богатство Запада – результат

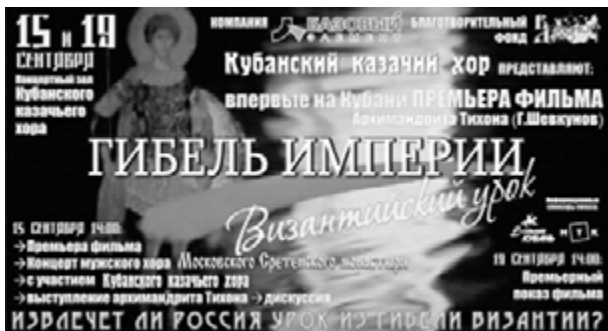

Президент Путин награждает архимандрита Тихона орденом Дружбы «за заслуги в сохранении духовных и культурных традиций, большой вклад в развитие сельского хозяйства».

грабежа Константинополя), мифом об особом пути России (мы увидели в Царьграде Бога – не банки и ломбарды были важны для нас, а духовное преемство).

Есть еще одна смысловая линия – очередное «присвоение» Путина. Он подспудно оказывается объектом особой «мифологической рефлексии», подается в образе Василия II и рассказе о достижениях его правления. Отстроена вертикаль власти, поставлены на место олигархи, возрождена экономика, создан «стабилизационный фонд». Становится очевидным, что создатели фильма пытаются возродить угасшие было слухи о том, что действия российского президента направляет его духовник – архимандрит Тихон. И не важно, что, как показал второй срок, «нордическая» сдержанность Путина распространяется и на сферу конфессионально окрашенных действий и деклараций (о своей личной религиозности президент говорит сдержанно и осторожно). Путинская прозрачная дистанцированность от вмешательства в духовную сферу объективно создала условия для того, чтобы за последние годы в содержании конфессиональной истории страны стали превалировать события, связанные прежде всего с инициативами самих конфессий, а не государства. Подобное положение возникло впервые за много десятилетий (а если вынести за скобки 1917–1922 годы, то и столетий). Церковная история, казалось, вновь становится историей Церкви, а не летописью государственных «инициатив» по «улучшению» или стеснению условий ее существования.

Между тем к концу фильма дидактика нарастает: если не сделаем правильных уроков, страна достанется врагу. Кто он, этот враг? Запад! Еще точнее, если внимательно вглядываться в отобранные для

визуального ряда лики и маски, католики! А еще – интеллигенция, которая первая поддалась на искусы католицизма и предала идею империи.

Перед нами в полном развороте церковный жанр. По форме – проповедь. По стилистике – устрашение. Получается, что если на рубеже веков светский железный занавес рухнул, то церковный стоит прочно. Отдельные представители Церкви спешат заполнить образовавшиеся идеологические лакуны своими смыслами. Все хорошее – от православия, а все плохое – от латинского Запада! Лучше чалма, чем Ватикан! Хорошо, что в самой РПЦ не все разделяют такую позицию. Уместно вспомнить слова диакона Андрея Кураева, а именно: «Национализация православия, превращение его в “русскую идеологию” открывает дорогу новому антихристианству».

Что же касается реанимации имперской идеи, то, конечно, можно, следуя ей, стать на путь изоляции.

Но имперское самосознание совсем не обязательно связано с установлением прежних границ, если за этим, что бывало нередко, не вырастают имперские амбиции. Есть и другой путь. Сегодня многие, и все чаще, обращают свой взор на культуру, подлинный культурный подъем страны. И в отличие от героисповедания, культура не личное дело отдельного человека, а совместная работа всего народа. Именно о культуре, которая и «делает кровь единой» (а иначе – мракобесие), говорил 9 февраля в телевизионной программе «Национальный интерес» писатель Виктор Ерофеев. Он единственный из участников призвал автора фильма не лукавить (что не подобает священнику), не искать «стратегию духа» для России в империи и одной единственной общей идеологии («нам нужна и либеральная позиция – это укрепляет государство»), наконец, научиться государству и Церкви извиняться перед народом.

Выступления других участников дискуссии – Натальи Нарочницкой, Андраника Миграняна и Игоря Чичурова – произвели удручающее впечатление. Сначала они дружно набросились на не пришедшего на передачу Юрия Афанасьева, ему досталось и за фразу «очень-очень гадкий фильм» (в журнале «The New Times»), и за «поднятую истерику» (Нарочницкая), и за «хамство – историк, а выступил в роли политика» (Мигранян), но главное за то, что критиковал руководство канала за «ангажированность и заточенность на самые реакционные позиции по отношению к истории».

Присутствовавшие агрессивно одернули радиостанции «Эхо Москвы» и «Свобода», а в конце передачи потребовали устами Нарочницкой заново посадить за парты всю «атеистическую интеллигенцию» и учить ее империи «как способу существования», а параллельно «выдавливает из этой интеллигенции по капле врага». При такой неистовости ревнителей православия было не удивительно, что в этой передаче не нашлось места тем русским мыслителям, которые еще в XIX веке предупреждали о губительности византийского пути. Вспомним хотя бы Петра Чаадаева, который упрекал свою страну за то, что «мы обратились к жалкой, всеми презираемой Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания».

Но что Чаадаев, если даже Арнольд Тойнби высокомерно был отринут Чичуровым как не «византиевед». А как же быть с фундаментальным трудом английского историка о Константине Багрянородном? Профессор МГУ, представший перед аудиторией как чуть ли ни единственный специалист, намеренно проигнорировал мнения других известных ученых. Мне, в частности, представляется гораздо более убедительной оценка профессора Сергея Иванова, который назвал фильм «Гибель империи» «фэнтези на исторические темы, историческим фельетоном, сегодняшней политикой, опрокинутой в Средние века». На нескольких примерах Иванов убедительно показал нам невежество автора и ведущего фильма: византийские памятники в Стамбуле не знает, сколько лет императоры правили – не ведает, оскопление пу-

тает с ослеплением. А тот же Чичуров, указавший недавно на несовместимость постмодернизма и православия, здесь по поводу продемонстрированного миллионной аудитории «православного постмодернизма» спрятался в кустах.

Национальный интерес – не в новой канонической истории, открывающей дорогу старо-новым мифам, иррациональности, а в конечном счете – манипулированию сознанием, не в единой, монистической, огосударствленной и безальтернативной истории. Национальный интерес в том, чтобы очень сложный ландшафт исторических фактов осмысливался без высокомерия, без смакования катастроф и несчастий, без восторгов по поводу побед, за которые заплачена немалая цена. А также без наклеивания ярлыков и выдергивания фигур и событий на злобу дня, без ставки на суд, поскольку он всегда будет из современности, а значит, прошлое станет представлять перед нами неполноценным.

12 февраля 2008 г.

С кем переплетется виноградная лоза?

Попадая на Малую Грузинскую улицу в Москве, по-прежнему невозможно равнодушно пройти мимо обелиска в честь Георгиевского трактата, со времени подписания которого 4 августа (по новому стилю) исполняется 225 лет. Авторы памятника – Зураб Церетели и Андрей Вознесенский – представили «дружбу навеки» между Россией и Грузией в виде венка из переплетенных пшеничных колосьев и виноградных лоз.

Теперь в это переплетение вкладывается совершенно другой смысл. Отношения между нашими странами предстают как бесконечная череда межгосударственных противоречий и раздоров. И любая памятная дата в истории наших народов, увы, сейчас неспособна хотя бы на время пригасить острые разногласия. В Георгиевском же трактате многие в Грузии, включая некоторых историков, видят источник всех бедствий. Оказывается, после его заключения «мирная» жизнь в Закавказье прекратилась. И набег горцев участились, и Турция с Персией рассердились на Грузию, и окрестные ханы «взбаламутились».

Могли ли представить подобные суждения те, которые подписывали в далеком 1783 году в крепости

святого Георгия Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России? Ведь прежние грузинские власти руководствовались совсем иными мотивами, находясь в сложных политических условиях. Ираклий II лишь после безрезультатных обращений в 1782 году к австрийскому императору, французскому королю, сардинскому, неаполитанскому и венецианскому правительствам о военной и финансовой помощи для борьбы с Турцией и Персией согласился на покровительство России, сознательно отказался от самостоятельной внешней политики и обязался своими войсками служить России. Императрица Екатерина II вполне осознанно ручалась за сохранение целостности владений Ираклия II и предоставляла православной Грузии полную автономию и в то же время защиту.

Георгиевский трактат резко ослабил позиции и политику иноверных государств – Ирана и Турции – в Закавказье. За подписанием Георгиевского трактата последовала цепочка важных исторических событий. По распоряжению Потемкина для связи с Грузией была построена Военно-грузинская дорога через Крестовый перевал. Дорога, которую строили 800 солдат, была открыта уже осенью 1783 года, и князь сам проехал по ней в Тифлис. Примеру Ираклия II последовали и другие владельцы Закавказья. Правители Армении в том же 1783 году также обратились с просьбой о защите.

Никто из российских историков сегодня, однако, не скрывает, что принятых по трактату политических

Ираклий II.

и военных мер оказалось недостаточно. Османская империя в ту эпоху обладала более значительными людскими и материальными ресурсами, чем Россия. Роковую роль сыграла и Персия. В 1795 году войска Аги-Магомед-хана разгромили армию Ираклия, разграбили и разрушили Тифлис. Россия успела послать на помощь Ираклию II лишь два батальона солдат с четырьмя орудиями. Грузинские и русские войска не смогли остановить агрессора. Однако в ответ Россия объявила войну Ирану и предприняла персидский поход в его азербайджанские провинции – в 1796 году русские войска заняли все побережье Каспия, от Дербента до Баку и Шемахи.

Нынче все эти события в Грузии в угоду конъюнктуре интерпретируются иначе – солдат прислали мало, русские батальоны несвоевременно выводились из Грузии, и вообще действия правительства Екатерины II были предательскими. Понятно, что протекторат в качестве щита Закавказья оказался действительно недостаточным. И понятна поэтому логика Багратидов, которые пошли на передачу верховной власти царям другой державы, способной защитить страну. Последний владетель Картли-Кахетии Георгий XII вручил свое царство Александру I. По манифесту от 12 сентября 1801 года династия Багратидов покидала престол, управление Восточной Грузией переходило к наместнику императора. Россия по отношению к вновь приобретенным территориям стала выполнять с того дня не союзнические обязательства – она стала защищать их как неотъемлемую часть России.

Георгий XII Багратион.

Нередко сейчас присоединение Закавказья изображается как освобождение христиан от власти остальных исламских правителей. В действительности широкий круг грузин, в том числе большинство церковных лидеров, выступали за переход в царское подданство и при военных столкновениях действовали на российской стороне. Учитывая это, известный немецкий историк Андреас Капеллер считает, что присоединение Грузии к России не без оснований можно характеризовать как добровольное. Конечно, ожидалось, что Россия не только освободит от чужеземного господства, но и гарантирует политическую и культурную автономию. Эти надежды в целом не оправдались. Так что с грузинской позиции присоединение к России до сих пор имеет двойственную интерпретацию. Хотя какой бы ни была политическая конъюнктура, включение Закавказья в Российскую империю невозможно представлять одномоментно. Для профессиональных историков и непредвзятых людей очевидно, что это была не одноразовая акция. В политике проявлялись и сменяли друг друга репрессивная и прагматическая тенденции. Большинство областей интегрировались в состав империи только после того, как они прошли фазу широкой автономии под властью местных вассалов. В Восточной Грузии эта фаза длилась с 1783 по 1801 годы. Безусловно, многое зависело от личности наделенного огромными полномочиями регионального военного начальника. Неспособность к управлению, несбывшиеся надежды приводили к волнениям и повстанческим движениям грузинских дворян

и крестьян. Так было в 1812, 1819, 1832 и 1841 годах. И об этом надо говорить и писать. Однако нельзя забывать и о таких деятелях, как Михаил Воронцов. Назначенный в середине XIX века наместником, он проводил гибкую политику, основанную на сотрудничестве с нерусскими элитами. Грузинские дворяне были уравнены в правах с русскими. Широкое развитие получили светские школы, грузинская культура. Князь Воронцов, как свидетельствовала его супруга, «очень любил грузин, чтит их великое прошлое и надеялся на лучшее будущее для них», он говорил, что «маленькая Грузия должна стать самым красивым, самым ярким парчовым узором на пальцах российской вышивки». Рано или поздно переплетению пшеничных колосьев и виноградных лоз вернется изначальный смысл. Но для этого надо, чтобы в разговоре о прошлом самую весомую роль начали играть профессиональные историки Грузии и России. Когда историю подчиняют себе националистические движения и их лидеры, когда прошлое инструментализирует в своих сиюминутных интересах власть, возникают разные фобии или этноцентризм. Только автономия профессионального исторического знания способна противостоять этим малосимпатичным и, по сути, опасным явлениям.

31 июля 2008 г.

Князь Михаил Семенович Воронцов.

Ещё раз о цвете и национальности террора

90 лет назад, 5 сентября 1918 года, Совет народных комиссаров принял постановление о красном терроре. Эта дата, увы, как и раньше, сразу же оживила старые штампы и смыслы – террор приписывается исключительно большевикам, а масштаб и жестокость террора объясняется по большей части этническим составом ВЧК и РКП(б). Больше всего достаётся чекистам-евреям, которые использовали репрессии для самоутверждения и преодоления своих комплексов, а также чекистам-полякам, ненавидевшим москалей. Ответственность за террор возлагается и на другие национальные меньшинства – «латышские чрезвычайки», «китайских солдат» и др. Таким образом, упрощенные разъяснения произошедшей трагедии по-прежнему доминируют в поиске ответов на сложные вопросы. А значит, природа террора на российской почве вновь ускользает от нас. Но если мы хотим упредить какие-то вещи, а мы можем это сделать, то нам надо вновь и вновь показывать, как и почему в истории XX века террор приобретал стихийный, бесконтрольный характер или как становился принципом новой государственности.

Известно, что декрет о терроре был принят как ответная мера на ряд террористических актов, совершённых противниками большевиков и революции (20 июня был убит один из руководителей питерских большевиков В. Володарский, 30 августа – председатель Петроградской ЧК М. Урицкий, и в тот же день тяжело ранен Ленин). Покушение на носителей авторитета власти при слабости самой власти всегда и везде воспринималось особенно болезненно. Стремление защитить их связано не просто с особым чувством к политическим лидерам, а с особой ролью авторитета. В условиях, когда структуры власти слабы, он (авторитет) выступает порой в качестве важнейшего организующего начала. Поэтому защита людей, наделённых особыми полномочиями, становится вопросом жизни и смерти.

После убийства Урицкого по постановлению Петроградской ЧК было расстреляно, по официальным сообщениям, 500 заложников. Один из руководителей ВЧК, Я. Петерс, назвал эти события «истерическим террором», когда мягкотелые революционеры были выведены из равновесия и стали чересчур свирепствовать. До убийства Урицкого, заявил Петерс, не было расстрелов заложников, а после него слишком много и часто без разбора. Но даже неприглядная политическая истерика в Петрограде была не просто мстью. Террор – это особая форма борьбы в особой ситуации, связанная с тем, что вокруг вождей революции или контрреволюции, лиц с чрезвычайными полномочиями, собственно, и организуется власть. К неуловимой грани, которую переступали

Моисей Соломонович Урицкий.

Ответ на белый террор.

— —

**Телько цветочки—ягодки
вкороди.**

В ночь с 11-го на 12 сентября Чрезвычайной Комиссией расстреляны гр. гр. Григорович (доктор), Полонский и Борис Бялыницкий Вируля: обвиняемые в контр - революционной деятельности и антисоветской агитации в деревнях. Это ответ красного Витебска на убийство т. т. Володарского и Урицкого и на покушение на Великого учителя — т. Ленина.

Ф.Э. Дзержинский и заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс. 1919 г.

в периоды революций и гражданских войн их участники, подводит длительная цепочка событий. И в данном случае тупиковым является вопрос, кто начал первым. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хоть как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях.

Можно принять тезис «любой террор – зло». Но всё дело в том, что дошедшая до стадии гражданской войны политическая и социальная конфронтация делит общество на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как

нелюдей, на них не распространяют общечеловеческие нормы. Именно это создаёт возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный. Все заявления о безнравственности насилия и террора никого уже не останавливают. Понимание закономерностей того, как начинает работать машина насилия и террора, как общество доходит до состояния «чрезвычайщины» и цена человеческой жизни практически падает до нуля, это понимание дают только постепенное приближение к пониманию смысла произошедшего и строгий анализ фактов.

Решения 5 сентября 1918 года стали лишь одним из звеньев эскалации насилия, причём не ключевым. Террор по отношению к отдельным лицам и «политическим штабам» начинается с момента Февральской и Октябрьской революций, несмотря на отмену большевиками смертной казни. С декабря 1917 года инструмент устрашения используется по отношению к стихийным погромщикам «винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч.». В феврале 1918 года наступление германцев подтолкнуло к принятию декрета «Социалистическое отечество в опасности». Он предоставил ВЧК и ЧК право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». В мае–июне 1918 года, оказавшись в тупике проводимой экономической политики, большевики открыто и жёстко заявили о своих намерениях, введя продовольственную диктатуру и изгнав меньшевиков, правых эсеров, а затем и левых из органов

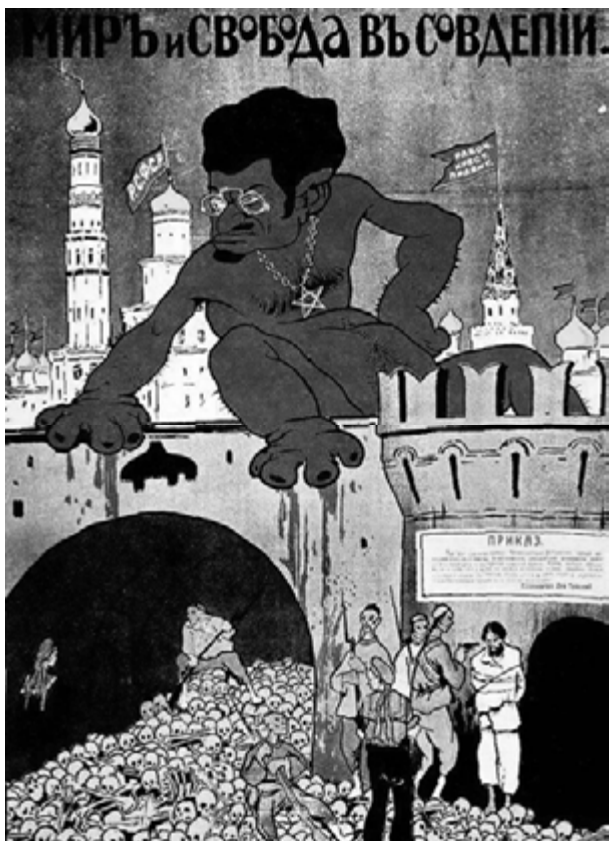
власти. Массовый террор становился формой управления. В этих условиях деятельность продовольственных отрядов и комитетов бедноты, ревтрибуналов и уполномоченных на местах приобрела неуправляемый характер.

Именно в этот контекст и надо вписывать сентябрьский декрет о красном терроре. Он впервые подвёл юридическую основу и под институты устрания, и под упорядочение экономики методами репрессий «сверху». Была возвращена и смертная казнь. Однако одновременно чрезвычайные формы управления стали вводиться в рамки революционной законности, а деятельность чрезвычайных органов всё заметнее подвергалась жесткой регламентации. Только таким путём можно было перетягивать на свою сторону большинство населения и организовать прочный тыл. В эту логику, безусловно, невозможно вписать решение 24 января 1919 года о проведении беспощадного террора по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. Но эта директива носила уже секретный характер, чего раньше для подобного рода акций не наблюдалось. И в последующем практически невозможно обнаружить решений, подразумевающих «чрезвычайщину», хотя её проявления встречались довольно часто.

Несоветским государственным образованиям и лидерам белого движения не удалось противопоставить большевистским устремлениям свою привлекательную идею. Белые генералы сначала уповали на короткий срок жизни Советов, потом на твёрдую власть

и Антанту, а затем обратились к террору, который сопровождался язвами разложения армии и её тыла. Адмирал А. Колчак после первых месяцев своего правления признавал, что причиной неудовлетворённости внутреннего положения является «беззаконная деятельность низших агентов власти, как военных, так и гражданских», а деятельность начальников уездной милиции и отрядов особого назначения представляет собой «сплошное преступление».

Ни красной, ни белой организованным диктатурам не удалось избежать террора. Ни запрещения Л. Троцкого, ни запрещения А. Деникина расстреливать пленных не выполнялись. И это в армии. А ведь ещё был партизанский террор, дикие репрессии со стороны «зелёных». И как быть с террором «низов», который «сверху» получил толчок и на известное время бесконтрольность? И что самое трагическое, в терроре «верхов» и «низов» отчётливо просматривался этнический аспект. В 1918 году большевик Сталин рекомендовал С. Шаумяну быть «особенно беспощадным» по отношению к «дагестанским и прочим бандам», а меньшевистская власть Грузии тогда же залила кровью Южную Осетию. Белогвардейцам на Украине, как это ни парадоксально, противостояли «свои» и даже Скоропадский, а на сторону Красной Армии переходили «чужие» башкиры-валидовцы и казахские алашордынцы. Погромы стали отличительной чертой того времени. Только петлюровский террор на Украине (его иногда называют «чёрным» или «жёлтым») унёс десятки тысяч жизней евреев.

Белогвардейский плакат.

Степан Георгиевич Шаумян.

И здесь уместно вернуться к вопросу о национальности тех, которые руководили террором и осуществляли его. Историки при анализе российской политической элиты 1917 года подсчитали, что руководство большевиков было самым молодым и наименее образованным. В нём было около 20 процентов евреев, 8 процентов кавказцев и 6 процентов прибалтов. А немцы, татары и поляки составляли по 3,5–4 процента. Наибольшее число евреев было в верхах меньшевиков (50 процентов) и у эсеров (15 процентов). Кадеты, которые считались «еврейской партией», имели в своём руководстве 6 процентов представителей этой национальности. Если взять национальный состав губернских ЧК России, то к концу Гражданской войны он в процентном отношении выглядел следующим образом. Русские – 77,3, евреи – 9,1, поляки – 1,7, латыши – 3,5, украинцы – 3,1, белорусы – 0,5, немцы – 0,6, англичане – 0,004 (2 чел.) и др. К сожалению, неизвестны такие же данные о белогвардейских органах контрразведки и военно-полевых судах. Между прочим, в то время в этих органах (и у красных, и у белых) гораздо больше уделялось внимание не национальности, а социальному происхождению, принадлежности к той или иной партии и даже криминальному прошлому.

«Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне и внутренне приобщившимися к русскому духу», – заметил «сменовеховец» Н. Устрялов. А на душевном состоянии народа не могли не отразиться десятилетия «унижения и оскорбления», «ущемлённости и ущерба».

Поэтому, видимо, прав известный еврейский учёный Д.С. Пасманик, который, сравнивая большевистскую революцию с русской смутой начала XVII века (а она обошлась без евреев), писал, что корни большевизма – не социологические, а психологические. Не «сознательный» пролетариат, а бессознательная вооружённая масса из бывших крестьян и городского мещанства выдвинула и укрепила русский большевизм.

90 лет назад террор, творимый красными и белыми, «верхами» и «низами», пронёсся по всей территории бывшей Российской империи. Он наполнил, как писал А. Деникин, «новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все “цвета” военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага». И хотя большевикам удалось, возможно, лучше обуздать «чрезвычайщину», упорядочивать жизнь тыла, работавшего на армию, отбивавшую атаки белых, террор и результаты деятельности чрезвычайных органов обозначили переход к государственному насилию как системе. Неслучайно и в сталинскую «революцию сверху» конца 20-х – начала 30-х годов, и в годы Большого террора в исторической памяти народа мгновенно высвечивался 1918 год. Забвение или упрощение смысла этой трагедии, манипулирование памятью о ней способно привести к тому, что окажется легче воспринимать и впитывать привычки запретов и угроз, приказов и репрессий, террора и насилия, чем демократических принципов жизни.

5 сентября 2008 г.

Мюнхен-1938: о забытом прологе к войне

Все последние годы Мюнхенский договор 1938 года почему-то находился в тени одиозного пакта Молотова–Риббентропа. Как только ни склоняли последний, как только ни превозносились мюнхенские подписанты перед подписантами московскими. Ведь там, на Западе, оказывается, были искренние противники аннексии чужих территорий. Ни Чемберлен, ни Даладьё чужих территорий приобрести не стремились. Наоборот, верили, что, дав согласие на присоединение Судетской области, а, по сути, на растерзание Чехословакии, они умиротворят Гитлера и дадут Европе долгий мир. А вот здесь, на Востоке, только и искали повод, чтобы захватить новые территории. Ведь Сталин, заключая пакт с Гитлером, аннексировал значительную часть Восточной Европы, оккупировал страны Балтии, восточную Польшу, Бессарабию и Буковину. Получается, что патриции дипломатии в Мюнхене очень хотели мира, пусть и «похабного», а в Москве эти плебеи жаждали войны.

Поразительно, что спустя 70 лет история снова напомнила о том, как возникают соблазны «дележа континента». На фоне событий нынешней осени, по несчастью или к счастью, в памяти всех возник

Слева направо: Н. Чемберлен, Э. Даладье, А. Гитлер, Б. Муссолини и Г. Чиано.

Мюнхен-38 (о Мюнхене-72, слава богу, не даёт забывать Стивен Спилберг). Уже позади трагедия августа 2008 года, но все внимательно следят за дипломатами и политиками, за референдумами и выборами – словно 70 лет назад после германского аншлюса Австрии. Что же случилось в те годы? Кто начал первым сдавать суверенные европейские государства, чтобы умаслить фашистского агрессора и оккупанта?

Летом 1938 года произошло прямое столкновение между японскими и советскими войсками – сначала в районе острова Хасан на Дальнем Востоке, а затем в Монголии на реке Халхин-Гол. Получившие по зубам

Бои на р. Халхин-Гол.

японские генералы умерили свой пыл по отношению к Советскому Союзу. Тем не менее внешнеполитическое положение страны было крайне сложным. Гражданская война в Испании, конфликт в Китае, судетский кризис. Советская дипломатия, как теперь понятно, наивно верила принципам коллективной безопасности и тому, что сработает Конвенция, подписанная в 1933 году с десятью государствами, – Лондонская конвенция об определении агрессора. По ней, кстати, агрессором признавалось государство, которое объявит войну другому государству, вторгнется на его территорию без объявления войны, бомбардирует его территорию или установит морскую блокаду. В 1935 году СССР подписал два договора о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. По подсчётам

Советская карикатура, посвящённая Мюнхенскому договору.

некоторых российских историков, осенью 1938 года Франция, Чехословакия и СССР обладали вооружёнными силами, способными нанести поражение Германии. Да и сами германские военные и политические лидеры, включая фюрера, считали, что собственного потенциала Германии на тот момент было недостаточно для нанесения поражения франко-советско-чехословацкому блоку. Однако ни чехословацкие, ни европейские лидеры на самом деле не желали помощи СССР. Британский посол в Праге записал высказывание президента Бенеша весны 1938 года: «Отношения Чехословакии с Россией все-

гда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании... Любые связи с Россией будут осуществляться только через Западную Европу, и Чехословакия не будет орудием русской политики». Красноречива и фраза одного из чехословацких министров: «Пусть лучше нас атакует Гитлер, нежели защищает Ворошилов».

Советский Союз не пригласили на Мюнхенскую конференцию, тем самым дав понять, что европейские проблемы могут успешно решаться без нашей страны. Но Кремль не воспринял этот демарш как дипломатическое поражение. «Политика премирования агрессора» – под таким заголовком вышла газета «Правда» 4 октября 1938 года. И это не было пророчеством. В марте 1939 г. Гитлер вторгся в Чехословакию. «Мюнхенская система» потерпела абсолютный крах, а неучастие СССР в предательстве и разделе суверенной страны и сегодня работает на наш авторитет. Тогда была продемонстрирована глубокая заинтересованность СССР в мире. «Но если нашего сотрудничества не ищут, то мы и не навязываемся!» Эти слова нашего посла С. Александровского, сказанные Бенешу, теперь воспринимаются как крылатая фраза.

1 октября 2008 г.

Не надо бояться прошлого

Ровно месяц остался до того дня, когда исполнится 70 лет прекращению в СССР Большого террора. Российская власть коренным образом изменила свое отношение к этой трагедии XX века. Важное значение имеет посещение Владимиром Путиным в день памяти политрепрессированных Бутовского полигона НКВД в Подмосковье. Большой резонанс получило решение президента Дмитрия Медведева об увековечивании памяти Александра Солженицына. Но и по сей день не реабилитированы все без исключения лица, осужденные внесудебными чрезвычайными органами. Эти органы и их приговоры до сих пор не объявлены незаконными, их решения и сейчас обладают юридической силой. У политического руководства России сегодня есть все основания, чтобы раз и навсегда закрыть страницу прошлого, которая вызывает страдания памяти миллионов соотечественников.

17 ноября 1938 года большевики прекратили проведение массовых репрессивных операций, начатых 5 августа 1937 года. Главной из них была «кулацкая», которая проводилась по приказу НКВД № 00447. Пятнадцать с половиной месяцев понадобилось власти для того, чтобы, наконец, запретить бессмысленные массовые аресты и депортации мнимых «врагов

В. Путин и Патриарх Алексий II на Бутовском полигоне. 2007 г.

народа», ликвидировать тройки – внесудебные чрезвычайные органы, составлявшие центральное звено репрессивного института Большого террора. Аресты, как устанавливала ст. 127 Конституции СССР, могли проводиться теперь только по решению суда или с санкции прокурора. Уголовные дела передавались обычным судам и Особому совещанию НКВД. Обширный перечень мер защищал арестованного от произвола следователей.

Однако ни тогда, ни после смерти Сталина тройки как инструмент государственного насилия не были подвергнуты основательной критике. Единственное нарекание, прозвучавшее в адрес внесудебных органов, сводилось к их якобы некомпетентному использованию со стороны НКВД и милиции. А то, что подобные органы являются незаконными и сами порождают беззаконие, никогда не обсуждалось. Преданным забвению оказалось и самое грубое нарушение законности – вынесение тройками смертных приговоров за проступки, которые даже тогдашним Уголовным кодексом РСФСР, равно как и кодексами других союзных республик, карались в самом крайнем случае наказанием в виде лишения свободы на короткий срок.

Прозвучавшая в предвоенные годы резкая критика НКВД и прокуратуры вызвала большие надежды на реабилитацию сотен тысяч несправедливо осужденных граждан. Однако в официальных циркулярах и директивах понятие «реабилитация» отсутствовало. Регулировались детали процесса пересмотра приговоров, вынесенных тройками, и их отмены, однако

высшей заповедью оставалось стремление избежать всякого политического или социального риска. С каждым освобождавшимся следовало провести индивидуальную беседу, к тому же за освобожденным следовало наблюдать.

Другая головная боль НКВД и прокуратуры заключалась в процедуре аннулирования приговоров внесудебных органов. Тем более что они, по утверждению Берии и Вышинского, с 1927 года касались 2,1 млн. человек, имеющих судимость. Предлагалось аннулировать судимость в течение трех лет после освобождения при условии хорошего поведения. Однако под эти меры попадали только приговоры, вынесенные не в соответствии с политической статьей 58. Снятие же этих судимостей должно было быть возможным только по решению «особого совещания». В каком объеме действовало «особое совещание», неизвестно.

Через год дифференцированный подход был заменен огульным, согласно которому все приговоры, вынесенные тройками, подвергались пересмотру только через «особое совещание». Так фактически была завершена ничтожная бериевская «оттепель». К примеру, в Алтайском крае в 1939–1940 годах было отменено только около 0,35 процента всех приговоров, вынесенных здесь тройками. В Карельской АССР из 5724 осужденных тройками на свободу, то есть из лагерей, были выпущены 2,3 процента. Одной из причин такого «восстановления законности» было то, что следствие и решение о реабилитации осужденных лиц с самого начала находилось в руках

ведомства, осуществлявшего следствие и игравшего главную роль в вынесении приговора тройки.

В 1956-м, а затем с новой силой в 1961 году в рамках общественного осуждения сталинского террора поднялась волна гражданских реабилитаций. Кстати, важнейшим сторонником реабилитации в 1956 году был генеральный прокурор Руденко. И хотя он вел речь только о внутривнутрипартийных оппозиционерах, но, во-первых, он подчеркивал факт фальсификаций политических процессов со стороны НКВД, во-вторых, демонстративно показывал значимость государственно-правовых принципов. Тогда этот процесс прервался из-за того, что в руководстве было немало людей, которые разделяли ответственность за террор, боялись прошлого и старались припрятать этот инструмент в резерве ради сохранения власти.

В 80-е годы Михаил Горбачев подхватил нить там, где она была оборвана в 60-е годы, – произошел поворот в политике реабилитации. Однако реабилитация осталась актом политико-административного произвола, определявшимся политической целесообразностью, а не правовой корректностью. Изданный Горбачевым 13 августа 1990 г. указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов» был сформулирован в общей форме и нуждался в уточнениях. Имевшиеся планы общей отмены приговоров, вынесенных внесудебными органами, не были осуществлены. Объяснялось это тем, что таким образом дело могло дойти до реабилитации «изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступ-

ников, участников бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления». Тем самым, продолжились традиции реабилитации после 50-х – с многочисленными исключениями.

Трудно предвидеть, как в этом году 70-летие прекращения Большого террора будет отмечаться на высшем уровне. Но одну проблему общество вправе поставить перед президентом России Дмитрием Медведевым. Настало время реабилитировать всех без исключения граждан, осужденных внесудебными чрезвычайными органами, объявить эти органы и их приговоры незаконными. Совершив это, российская власть признает незаконность использования массового террора как формы управления государством.

17 октября 2008 г.

Голодоморовский аршин Ющенко

Известно, что без голодоморовской обертки украинский президент и куска хлеба теперь не проглотит. Он вообще полагает, будто специальными указами или законами можно переиначить прошлое. Человеческая трагедия 1932–1933 годов стала для него разменной монетой в политической борьбе. Более того, способом разделения могил жертв голода и возведения «берлинской стены» в нашей общей истории. Страшилка о русских, которые действовали не так, как было на самом деле, а так, как это выгодно сегодня Ющенко, завела серьезную дискуссию о прошлом в тупик. Можно только посочувствовать украинским историкам, которых искусственно, директивами сверху, раскололи по принципу отношения к идее фикс.

Отсюда патовая ситуация и странные заявления о том, что на Украине, помимо всеобщего голода тридцатых, был «свой, особенный голод, которого не было нигде, даже в Казахстане», как заявляет украинский исследователь С. Кульчицкий. Сначала Ющенко говорил о 10 миллионах погибших, потом о 12-ти, хотя все ученые, даже украинские, говорят о 3–4 миллионах погибших, не больше. Да, это очень существенные жертвы, самая большая трагедия украинского народа, за исключением войны. Но нельзя

«танцевать на костях и спекулировать на этой теме», убежден известный украинский правозащитник и политолог Маленкович.

Действительно, абсурд и кощунство делить общую беду общей истории по национальному признаку. Еще больший абсурд – заставлять каяться за советские грехи Россию. Ведь именно ее стремление к суверенитету и открыло путь к независимости остальным союзным республикам.

Вообще-то, если Ющенко такой любитель истории или хотя бы обладает элементарной исторической грамотой, то должен знать, как разрушались гораздо более устойчивые мифы. Потому что оказывались мнимыми или основанными на лжи. Что стало со сталинским мифом об Октябрьской революции и Гражданской войне? Какая судьба постигла историю Сталинградской битвы в хрущёвской версии? Сколько прожила Малая земля по Брежневу? Теперь в анналы войдет голодомор по Ющенко. Печально, что великая трагедия способна превратиться в скверный анекдот. Так хочется пожелать украинскому президенту оставаться благородным любителем и коллекционером народного искусства, а в отношении принципов историзма, смыслов прошлого, понимания национальной культуры памяти доверять профессиональным, а не послушным историкам. Достойных учёных на Украине немало. Для них наука важнее переменчивых политических раскладов, когда некие символы и знаки утрачивают историческую основу.

В том, что историческая реальность может быть податлива, Ющенко не оригинален. Достаточно вспомнить сталинское убеждение, что «нет таких крепостей...». Так и здесь. Чем очевиднее неудачи «оранжевой» революции и созданного режима правления, тем сильнее вина голодомора, организованного Кремлем. Представим на секунду ситуацию, что не было бы голода 1932–1933 годов. К какому другому событию обратился бы украинский президент? Революционный период неизбежно заставил бы всерьез размышлять о немецком факторе «скоропадской» Украинской республики. Войны и послевоенные годы повсюду напоминают о польском следе.

Неудивительно, что вниманием обделён и Большой террор 1937–1938 годов, завершению которого исполнилось ровно 70 лет. Конечно, для Ющенко все было бы абсолютно по-иному, если бы украинцы – как и многие другие народы – стали бы целевой группой «национальных» приказов НКВД. Историкам известно, в какой раж впадали украинские руководители областных управлений органов внутренних дел, когда требовали поголовного уничтожения всех поляков и немцев, проживавших тогда на территории УССР. Запросы на повышение расстрельных квот от национальной компартии с трудом удавалось сдерживать Москве.

Новая идентичность по определению не может утверждаться через упрощенное и примитивное восприятие действительности. Не может быть идентичность устойчивой в результате исторических подделок и самообмана. Поиск злых людей – дорога тупиковая.

Как же выстраивать идентичность? Через представление «своих» страданий исключительно как результата «чужой» злой воли, через голодомор как полигон для эксперимента по выращиванию украинской нации? Но известно, что снятие с себя всякой ответственности и возложение её на соседа – не лучшая основа для взаимного понимания народами друг друга, для собственного национального возрождения.

Однако и идти путем реанимации советского державно-патриотического мифа, представлять отечественную историю как череду славных героических свершений, как это пытаются делать некоторые теоретики у нас, тоже не выход. Поэтому так важна инициатива Международного общества «Мемориал», призвавшего прекратить эксплуатацию противоречий в «национальных образах прошлого» и превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов. При любом историческом видении сегодня непродуктивно и опасно делить народы на «жертв» и «палачей», оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими.

18 ноября 2008 г.

2009

«Берегись! Русские!»

Буквально через полторы недели начнется череда памятных дат, связанных с 65-летием освобождения правобережной Украины и Крыма, Юго-Восточной и Центральной Европы от нацистской оккупации. Что выдвинется на этот раз в центр дискуссий, какие новые «войны памяти» развернутся? Возобладает ли этноцентризм в присвоении прошлого?

Последние годы показали, что обращение к истории войны все сильнее смещается в сторону человеческого ее измерения – цены усилий, выживания, насилия, альтруизма, памяти. В Германии, к примеру, по-прежнему в фокусе внимания Холокост, правда, уже в контексте преступлений сталинизма. К этому добавилось внимание к страданиям немцев, ответственности за это стран-союзниц. Особый упор делается на массовое изнасилование женщин. Не случайно большой интерес привлек фильм немецкого режиссера Макса Фербербека «Безымянная – одна женщина в Берлине» Он впервые в кинематографе поднял проблему массовых бесчинств, совершенных русскими в 1945 году.

В основе сценария – автобиографическая книга (дневник) «Anonymous», написанная немецкой журналисткой, опубликованная в 50-е на английском языке и переизданная в Германии в 2003 году. Автор описывает, что случилось с ней в апреле–июне 1945 года, когда в Берлин пришла Красная Армия.

Фильм ещё не дошел до России, но представители ряда организаций ветеранов Великой Отечественной войны выступили с требованием запретить его показ: «Эта картина – диверсия и провокация. Попытка очернить образ советского воина, солдата, освободителя! Соответственно, очернить Россию. В период сложившейся во всем мире кризисной ситуации кому-то эта чернуха очень на руку». Эмоций добавил и тот факт, что в «провокационной картине» снимались известные российские артисты.

К сожалению, протестующие ветераны не захотели понять смыслы, которые извлекает из *vae victis* (горя побежденных) немецкий режиссер. И этому есть объяснение. В российских СМИ и исторических работах тема массовых бесчинств советских военнослужащих так долго находилась под запретом, что даже теперь, когда стремление к «беспощадной правде» о войне берёт верх, часть ветеранов отрицает, что преступления имели место. Некоторые вообще отказываются обсуждать этот вопрос, аргументируя тем, что результат геноцида на оккупированных территориях СССР, где погибло 13,6 миллиона советских граждан, несоизмерим с потерями мирного населения Германии. Несравнимы и по времени 3,5 года насилия и издевательств над советскими людьми

с 4 месяцами первого этапа оккупации Восточной Германии.

Сравнения нисколько не умаляют вклада СССР в Великую Победу над нацизмом, поскольку эпохальные события должны быть свободны от спекуляций на недоговоренностях и «белых пятнах». Виновные в совершении преступлений должны нести ответственность. Но как возможен диалог, если в России даже не хотят познакомиться с фильмом, не дают слово режиссеру для объяснения? А ведь Фербербек, судя по его интервью в западной печати, последователен в человеческом измерении величайшей трагедии XX века. Он призывает немцев, пусть и с запозданием, разрушить пакт молчания, на котором строилась их семейная жизнь, когда жены не спрашивали у мужей, что они делали на фронте, а мужья не спрашивали жен, как они пережили время, когда хозяйничали русские. Один из критиков даже потребовал от Фербербека, чтобы он не задавал трудные вопросы, а, наоборот, только повторял: «Берегись! Русские!»

Конечно, затрагивая проблему преступлений против человечности, режиссер по понятным причинам многое оставил за кадром. Но этого не могут позволить себе профессиональные историки, призванные снова и снова объяснять, почему события происходили именно так, как они происходили. Те, которые свидетельствуют о преступлениях советских военнослужащих, причем с акцентом на презумпции их виновности, и те, которые пытаются видеть в каждом советском солдате, реально или потенциально, насильника и ставить знак равенства между вермахтом

Кадр из фильма «Безымянная – одна женщина в Берлине».

и Красной Армией, не могут игнорировать принципиально разную природу совершенных ими преступлений.

Ключевое значение имеют причины и механизмы «ненормальной» войны, появления приказов, объявивших военную необходимость руководством к действию.

Руководство Германии еще до того, как вообще могла возникнуть проблема стратегических или тактических «необходимостей», потребовало от солдат готовности к противоправным, преступным действиям. 30 марта 1941 года на секретном совещании Гитлер, выступая перед 250 генералами, войскам которых предстояло участвовать в операции «Барбаросса», заявил, что «речь идет о борьбе на уничтожение».

Понятно, что немцы, призванные в вермахт, будучи гражданскими лицами, подвергались ежедневной «промывке мозгов».

Красная Армия не получала подобных директив, не было у СССР и жестоких намерений уничтожить немецкое гражданское население как низшую и неполноценную расу. Однако сами по себе действия оккупантов на советской территории и огромные жертвы, понесенные советскими людьми за годы войны, предопределили распространение в армии чувств ожесточения и жажды мести. Усиливала эти настроения – неизбежные в наступавшей армии, которая своими глазами видела «результаты» оккупационной политики, – и официальная пропаганда. Огромное число статей, репортажей, корреспонденций показывали «звериный» облик врага и мобилизовывали советских солдат и офицеров на скорейшее уничтожение немецкой армии.

Обстановка, сложившаяся в связи с выходом Красной Армии на границы СССР, делала задачи командования по предотвращению преступлений против мирного населения предельно сложными. Многочисленные эксцессы вызвали большое беспокойство руководителей освободительного движения восточноевропейских стран. Однако поступающие сигналы вызвали резкое раздражение у Сталина, считавшего несправедливым распространять проступки отдельных офицеров и солдат на всю Красную Армию. Тем не менее 19 января 1945 года Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению на осво-

бождаемых территориях. Этот приказ был доведен до всех солдат и офицеров. Последовали и соответствующие распоряжения Военных советов фронтов, командующих армиями, командиров дивизий и других соединений, чтобы, как заявил Сталин, «очарование нашей Красной Армией не сменилось бы разочарованием». Одновременно маршал Г.К. Жуков предостерегал свои части, чтобы во время наступления на Берлин и оккупации Германии они концентрировались на своих воинских обязанностях.

Однако сдерживающая роль приказов не могла преодолеть влияния косвенных обстоятельств – всеобщей эйфории, неизбежного попустительства, цепной реакции на негативный пример, использования распоряжений, которые противоречили друг другу. К примеру, до капитуляции Германии следовали наказания за имущественные преступления, но после капитуляции политическое и военное руководство делало вид, будто в Германии все в порядке. Не было ни разрешающих, ни запрещающих актов по поводу использования и конфискации личного имущества немецких граждан. Все было отдано на откуп победителям. И только 9 июня 1945 года, то есть спустя месяц после капитуляции, постановлением ГКО была упорядочена раздача трофеев.

Безусловно, мы бы упростили проблему, если бы решили свести причины преступлений только к «необходимостям», конфликтам, возникавшим по поводу выполнения противоречившего законам приказа. Неизбежная дегуманизация, вызванная тремя годами войны, была одной из причин преступности.

В то же время у некоторых очевидцев взятия Берлина поведение солдат и офицеров Красной Армии оставило противоречивое, двойственное чувство. Английская аристократка Дж. Редсдейл в начале мае 1945 года писала своей подруге: «Вчера видела, как двое молодых русских солдат бьют мальчика-фольксштурмиста. Били сильно, но недолго – вмешался пожилой русский, стал их растаскивать... Я знаю твое отношение к русской литературе, к русским и потому приглядываюсь. По-моему, от русских ожидали большей жестокости. А они скорее просто грубы, да и то часто от безмерной усталости. Я говорила с одним русским переводчиком из штаба 1-го Белорусского фронта, рассказала тот эпизод, когда за мальчика-немца вступился пожилой солдат. Он объяснил так: что ж, понятно, пожалел ребят. И увидев в моих глазах вопрос, добавил: “Ненавидеть тяжело. Любить хочется”».

В ситуациях, когда мирное население не знало, как поведет себя немецкий оккупант или советский освободитель, оно вынуждено было искать способы самозащиты или самоспасения. И это также важно иметь в виду при раскрытии природы преступлений. Режиссер Фербербек подробно раскрывает эту трагическую сторону жизни берлинских женщин. Чтобы избежать изнасилования и унижения сначала русские, а затем немецкие женщины нередко обезображивали свои и своих дочерей лица, калечили себя, а иногда кончали жизнь самоубийством. В секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому

фронту И.А. Серова наркому Л.П. Берия от 5 марта 1945 года сообщалось, что в Германии самоубийства взрослых и особенно женщин с предварительным умерщвлением своих детей приобрели массовый характер. И русские, и немецкие женщины научились прятаться во время «часов охоты» солдат и офицеров. Многие женщины были вынуждены «добровольно отдаться» одному солдату в надежде, что он защитит от других. В условиях же оккупации суровым испытанием становился голод, который «тонкой линией» отделял военные изнасилования от военной проституции. К примеру, после сдачи Берлина город сразу же наполнился женщинами, торгующими собой за еду или альтернативную валюту – сигареты. В экстремальных условиях причудливым образом смешивались прямое насилие, шантаж, расчет и настоящая привязанность.

Возвращаясь к немецкому фильму, важно не упустить, что он является горьким упреком для России вот в каком плане. В постсоветскую эпоху мы так и не осмелились говорить в полный голос о нашей трагедии, не нашли щадящую форму, чтобы, преодолев унижение, стыд, боль, страдания, обо всем, что случалось на советской оккупированной территории, рассказали сами женщины. И чтобы это стало известно всем, но прежде всего тем, которые ставят сегодня страдания немцев на первое место. Взять хотя бы забытые дела Чрезвычайной государственной комиссии «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» (июнь 1941 – декабрь 1944 гг.). В них

зафиксировано 54 тысячи 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза. Приводимые сведения включают такие преступления, как использование гражданского населения в ходе военных действий, насильственная мобилизация мирного населения, расстрелы жителей и уничтожение их жилищ, изнасилования, охота за людьми – невольниками для германской промышленности. Все эти акты доступны исследователям, но крайне слабо обработаны, в том числе как массовый источник.

С приближением памятных дат новых дискуссий не избежать. Но они нисколько не уменьшат высокую оценку героизма советских солдат, а позволят приблизиться к пониманию природы войны, позволят ответить на вопрос, который перед смертью поставил писатель Виктор Астафьев. Русские выдержали испытание войной. Выдержат ли они испытание всей правдой о войне?

19 января 2009 г.

И снова рука Москвы

Приезжающим в Киеве сегодня рассказывают такой анекдот: «– Как лучше понять, что происходит в Украине? – Как тебе понять, что происходит там, не знаю. Но что происходит в России, ты там поймёшь определённо». За время пути от Борисполя до Крещатика узнаёшь последние новости – о газовом конфликте президента и премьер-министра, о рекордном уровне безработицы за последние 17 лет и об обрушении гривны, об акции протеста банковских сотрудников и секретной записке горевестника Виктора Пинзеника. Потом примерно тот же ряд проблем будет возникать на всех коротких и длинных встречах с коллегами из столичной университетской среды. Довольно скоро обнаруживается и sacramентальный вопрос: кто виноват в кризисе? Конечно, разумно искать ответ в анализе действий власти, объективных обстоятельствах или субъективных просчётах внутренней политики. Однако в официозе, высказываниях некоторых министров и отдельных мерах чувствуется стремление канализировать нарастающую протестную энергию людей в привычном для последних лет направлении – москали, Россия. Вот кто создаёт трудности, вот кто подрывает евро-перспективу Украины и подрывает культурный имидж страны. Безднаказанность министра культуры

Василия Вовкуна, объявившего русский язык «собачьим», а деятелей искусства, разговаривающим на нём – лакеями России, развязывает руки и другим ксенофобам. По мере ухудшения экономической ситуации не исключены новые случаи варварства в отношении русских книг и памятников, к примеру, той же Екатерины Великой, закрепление в учебниках русофобских оценок. Остановить это брезгливостью украинской интеллигенции в отношении «оранжевых» гуманитарных руководителей, конечно же, невозможно. Нужны правовые акции, подобные запросу депутата Дмитрия Табачника, потребовавшего на днях расследования ксенофобских заявлений и заведения уголовных дел.

В выходные дни на центральных улицах и торговых-развлекательных центрах Киева, Андреевском спуске и Подоле по-прежнему многолюдно и весело. Да, такси на приколе, в кафе и ресторанах пусто, преобладают по большей части компании по поводу не отложенных юбилеев и праздников. Но киевляне, как и раньше, проявляют живой интерес к России. Самые посещаемые – выставки российских художников группы «АЕС+Ф» с проектом «Последнее состояние» и группы «Синие носы» с гонимой картиной «Эра милосердия» и скандальным видео «Маленькие человечки».

На приезжих из Москвы сразу обрушивается град вопросов, в основном, конечно, сравнительного характера – цены, меры властей по преодолению кризиса и др. Потом следуют успокаивающие заявления о том, что никакой замены Великой Отечественной

Памятник императрице Екатерине II в Севастополе, открыт 15 июня 2008 г.

войны на советско-германскую в Украине не будет, что реабилитации плачей Петлюры, Шухевича и Бандеры в народном сознании нет и быть не может, и вообще стыдно, когда Ющенко событиями 75-летней давности (Голодомором) пытается вызвать жалость у всего мирового сообщества и сознательно разрушать отношения с Россией. Обратило на себя внимание и высказывание жителя Луганска: «Всё чаще ловлю себя на мысли, что Владимир Путин с его авторитаризмом – действительно спасение России и без него очередной оранжевый бунт поставил бы страну на колени перед Западом. Именно в ту позу, в которой сейчас мы».

Очевидно, что люди устали, когда во имя сиюминутных политических выигрышей шаг за шагом разрушаются экономические отношения с Россией. Наоборот, в условиях кризиса надо держаться друг друга, совместными усилиями вести поиск нестандартных решений, причём не только в газовой сфере.

2 февраля 2009 г.

Тайны прошлого: как определять правых и виноватых?

Жители постсоветского пространства не могут понять, почему вдруг «бандиты стали героями, а героев пытаются посадить на скамью подсудимых». В столкновениях образов прошлого проблема националистических движений является одной из самых острых. Она политизирована до крайности, а значит, диалог историков возможен через предъявление фактов и документов. Только так можно исправить горькое сегодование людей.

В этом смысле важным событием стало издание объединённой редакцией МВД России фундаментального документального сборника «НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956)». Составленный Н.И. Владимирцевым и А.И. Кокуриным, этот труд вобрал в себя 158 документов, большинство которых до недавнего времени находились на секретном хранении в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном архиве ФСБ.

Безусловно, ключевое место среди этих документов занимают военный и послевоенный периоды. Тогда враг был очевиден, и задачи перед органами НКВД

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

**НКВД–МВД СССР
В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ
И ВООРУЖЕННЫМ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ
ПОДПОЛЬЕМ
НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ,
В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ
И ПРИБАЛТИКЕ
(1939–1956)**

Составители:

Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин

МОСКВА
Объединенная редакция МВД России
2006

стояли вполне конкретные, а классовые обиды уходили на второй план. В годы нацистской оккупации и освобождения западных областей СССР, когда все вооружённые формирования националистов были в основном ликвидированы, понятия «враг», «дезертир» наполнялись конкретным смыслом, а сотрудничество с вермахтом попадало под жёсткие законы военного времени. Так было, в частности, в отношении организаций «Айсарги» в Латвии, «Ванагай» в Литве, «Омакайтсе» в Эстонии, ликвидированных за массовые расстрелы советских граждан и сотрудничество с нацистами. Так было и с Организацией украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армией (УПА).

В сборнике приводятся уже известные и новые свидетельства о том, как националисты западной Украины перешли на службу к немцам. Украинская полиция совместно с немцами вырезала и сожгла сотни деревень и тысячи мирных жителей. Массовым убийствам и грабежам подвергались не только поляки, евреи, русские, но и украинцы. Хотя УПА официально объявила войну и большевикам, и немцам, тем не менее именно немцы с августа 1943-го по сентябрь 1944 года передали УПА немалое число вооружений. В книге впервые раскрываются и ранее секретные планы, ход проведения операций против польской Армии Крайовой в западных областях Украины, Белоруссии и Литве, а также «оперативной комбинации» по вскрытию подполья украинских националистов в Северной Буковине.

Авторы проекта, с одной стороны, заявляют, что «не берут на себя ответственности судить участников жестокой борьбы 1940–1950-х годов, определять правых и виноватых», поскольку уважают право наций на самоопределение и право любого человека иметь свою точку зрения по национальному вопросу. С этим нельзя не согласиться, как и с тем, что авторы не желают оправдывать насилие и «осуждают как репрессии центральной власти, так и террор националистов». Тем не менее внимательного читателя наверняка не покинет ощущение, что составители

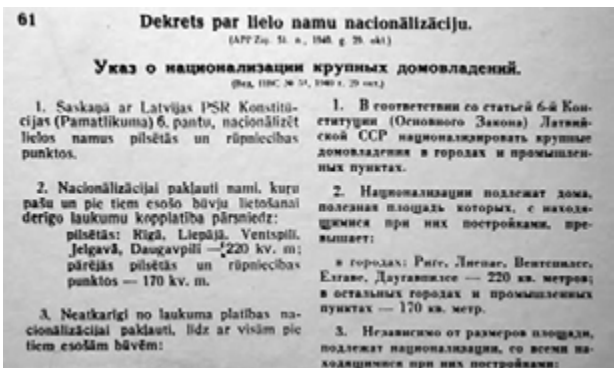
Памятник жертвам политических репрессий сталинского режима, г. Нарва, Эстония. Установлен рядом с ж-д вокзалом, откуда отправлялись поезда с депортируемыми гражданами.

сборника находятся в плену определений, даваемых представителями как центральной власти, так и националистов и не дистанцируются от них.

Скажем, возникает вопрос, а насколько доказательны утверждения о том, что националистические организации были созданы при содействии иностранных спецслужб в конце XIX – начале XX века, а революция в России укрепила их, поскольку они использовались европейскими державами для борь-

бы против советской власти, а затем эти организации перешли под контроль нацистских спецслужб. Создатели сборника как бы удивлены тем, что с воссоединением Западной Украины, Западной Белоруссии и Северной Буковины и вхождением Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР бывшая политическая элита, «опиравшаяся на помощь немецкой разведки», не собиралась отдавать власть. Удивлены и тому, что эта элита в ходе проведения национализации и аграрной реформы «путём террора пыталась сорвать эти мероприятия», как будто они проводились не насильственным образом. Буквально накануне Великой Отечественной войны, в мае–июне 1941 года, из Западной Украины было выселено 11 тысяч человек, из Западной Белоруссии – 21 тысяча, из Литвы – около 13 тысяч человек были отправлены в ссылку и 4,6 тысячи – в лагерь. Из Латвии – соответственно 10 и 5,5 тысячи, из Эстонии – 6 и 3,6 тысячи.

Безусловно, эти цифры нуждаются в объяснении, равно как и численность антисоветских воинских формирований, возникших в период войны. Ведь речь шла о десятках тысяч человек, направивших своё оружие против Красной Армии и партизан. К примеру, в эти формирования вошли: литовцев – 36,8 тысяч человек, азербайджанцев – 31 тысяча, украинцев – 75 тысяч. Русская освободительная армия Власова насчитывала 300 тысяч. Около 330 тысяч жителей Украины, Белоруссии и Прибалтики служили в местной полиции и отрядах самообороны, подчиненных начальникам СС и полиции рейхскомиссариатов.

Экспонат музея оккупации Латвии.

Неслучайно 19 апреля 1943 года М.И. Калинин подписал закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Этот Указ впервые публикуется полностью в сборнике. Названные в Указе лица подлежали смертной казни через повешение, а пособники из местного населения карались ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Рассмотрение дел было возложено на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии. Приведение в исполнение приговоров о смертной казни предписывалось «производить публично, при народе,

а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предаёт свою Родину».

Возможно, именно исследование мотивов власти и националистов перспективно для поиска ответов на те сложные вопросы, которые породила в последние годы «война памяти» на постсоветском пространстве. Пожелаем всем нам поскорее преодолеть сохраняющиеся трудности в доступе к неизвестным ещё секретным документам. А это, по мнению авторов, связано как с объективными обстоятельствами – «в условиях, когда Россия вновь ведёт борьбу с незаконными вооружёнными формированиями, раскрывать методы оперативной работы органов государственной безопасности преждевременно», так и субъективными факторами – Закон «О государственной тайне» хотя и ввел 30-летний срок закрытого хранения документов, но не предусмотрел механизма, обеспечивающего соблюдение этого срока. Работа по рассекречиванию производится ведомствами, не располагающими должными силами и средствами, да и не всегда заинтересованными в открытии тайн прошлого.

20 февраля 2009 г.

Разные измерения пакта Молотова–Риббентропа

Нынешняя дискуссия о Советско-германском соглашении о ненападении от 23 августа 1939 года, на первый взгляд, не вносит ничего нового в осмысление этого драматического момента кануна Второй мировой войны.

Одни историки считают пакт Молотова–Риббентропа законным средством обеспечения безопасности СССР, естественным продолжением имперской политики русских царей. Правда, сразу же подчёркивают, что «дележ» Европы, умащивание фашистского агрессора начали правительства Франции и Великобритании в сентябре 1938 г. в Мюнхене.

Другие ученые считают заключение пакта одновременно и ошибкой, и проявлением экспансионистских замыслов Сталина под идеологической оболочкой «расширение зоны социализма». После оккупации Чехословакии ни о каком союзе между Англией, Францией и Германией, направленном против Советского Союза, не могло быть речи. Ряд исследователей полагают, что не было никаких ошибок Сталина. Идя на соглашение с Гитлером, он рассчитывал на втягивание Германии в мировую войну с западными державами и на оккупацию Красной Армией значительных территорий Восточной Европы.

Подписание советско-германского договора о ненападении.

Скорее всего, перед 65-летием окончания Второй мировой войны дискуссия между названными группами историков обострится. Особенно если будут оправданы надежды на открытие все ещё недоступных кремлевских документов.

Пока же обращают на себя внимание две тенденции, связанные с годовщиной заключения пакта. Во-первых, атака на постановление Второго съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении» от 24 декабря 1989 года со стороны российской ассоциации исследователей Второй мировой войны. Во-вторых, определенное замалчивание отношения к знаковой дате со стороны тех народов и стран, которые попали под жернова тайных соглашений.

Известно, что «реабилитации» договора под знаменем борьбы с фальсификаторами истории, слава Богу, не произошло. Однако сама попытка не осталась незамеченной. Прежде всего, потому что реакция депутатов на симптоматичный выпад оказалась уж слишком вялой и легковесной – «что сделано, то сделано», и вообще «надо оставить историю историкам и перестать смотреть в зеркало заднего вида». Это означает, что весьма скоро последует новая попытка пересмотра одного из ключевых перестроечных решений двадцатилетней давности. А ведь в нем констатировалось, что содержание договора не расходилось с нормами международного права, что просто пакт не достиг своей цели – отвести угрозу войны, усугубил последствия вероломной нацистской

СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАДНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Советским Союзом стороны обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер общих интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Зеленой области признаются обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в общих интересах независимое существование независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. К востоку от восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этой области.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

Москва, 20 августа 1939 года.

И. Урицкий
Г. Г. Березин
В. С. Соловьев

3ч. Правительство
Германии

Г. Г. Березин
В. С. Соловьев

агрессии. Осуждены и признаны недействительными были именно секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, прежде всего потому, что предпринятые в них разграничение «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью третьих стран. Эти протоколы использовались Сталиным и его окружением для ультиматумов и силового давления. Особенно важно, что съезд осудил сам факт изъятия этих протоколов из процедур ратификации – решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственность за этот сговор.

Теперь получается, что определенные круги предлагают исключить из исторической памяти эти секретные соглашения, аннексию, проведенную против воли нескольких народов, в первую очередь, балтийских, репрессии, депортации, насильственную эмиграцию, принесшие массовые утраты и страдания. Но, отменив решение съезда 1989 года, захочется отменить решения IV съезда Советов о «Брестском мире», затем договоры правительства Советской России 1920–1922 годов о признании права балтийских стран на государственную независимость и т. д. Площадка будет расчищена. Для чего? Реанимации имперской идеи? Восстановления империи?

Конечно, можно сегодня продолжать с упоением говорить, что балтийские государства в 1939 году не были самостоятельными субъектами международного

права. Можно упрекать, к примеру, Латвию, что ее руководство поздравило Польшу, участвовавшую в разделе Чехословакии. Можно определять правящий режим в Польше как хороший или плохой, как «фашистский» или «полуфашистский», но это не может быть основанием для нарушений норм международного права и внешнеполитических действий по надуманным принципам.

Именно так еще весной 1939 года Сталин считал, что советские «особые интересы» в Прибалтике и станут гарантией безопасности Латвии, Литвы и Эстонии от германской агрессии. Латвийская газета «Латгилас Ворде» прокомментировала эту позицию словами, которые актуальны и поныне: «Гарантии малым независимым странам – очень невыгодная и унижительная вещь. Пусть даже гарантирующая великая держава делает это совсем бесхитростно, однако гарантированная независимость – очень сомнительная штука... Великие державы стали до бессовестности (бесстыдства) навязчивыми и предлагают свои гарантии там, где их никто не просит. Гарантирующие страны присуждают себе право в известное время при известных обстоятельствах вступить в малую страну, оккупировать ее или превратить в площадку военных действий. Гарантии малым странам совсем ничего не дают. Гарантии только угрожают вовлечь в войну малые страны, которые нисколько не хотят воевать».

В конце концов, балтийские страны готовы были принять «гарантии» от Франции и Великобритании, но не от СССР. Но после 23 августа 1939 года ситуация

Фотография из газеты «Правда»: «Прибытие частей Красной Армии в Эстонию. Советские танки переходят границу. У пограничного пункта (слева) - эстонские офицеры». Фото А. Агича. 20.10.1939 г.

кардинальным образом изменилась. И уже буквально через месяц Молотов на переговорах с министром иностранных дел Эстонии К. Селтером в Москве заявил: не бойтесь, мы не намерены затрагивать ни ваш суверенитет, ни государственное устройство, «мы не собираемся навязывать Эстонии коммунизм», но дайте нам скорейший выход в Балтийское море, а иначе нам придется применить силу. Эстония уступила, дала возможность создать на эстонских островах советские базы ВМФ и ВВС. А через несколько месяцев у советского руководства было готово два варианта «разрешения» литовского, эстон-

ского и латвийского вопросов – с помощью политических угроз или путем применения военной силы. К середине 1940 года на границах балтийских государств была сосредоточена военная группировка, насчитывавшая 435 тысяч человек, 8 000 орудий, свыше 3 500 танков и бронемашин, 2 600 самолетов. Подготовлены были и лагеря НКВД для более 60 тысяч военнопленных.

70-летие этого драматического момента истории открывает возможность не только для нового осмысления прошлого, но и для преодоления традиции демонстрировать высокомерное отношение к малым государствам Европы. Памятная дата позволяет преодолеть и очевидное противоречие, когда справедливое осуждение прибалтийских нацистов, раздражение по поводу бесчестной войны с фронтовыми памятниками сопровождается оправданием сталинских времен, нежеланием признать насильственное включение тех же балтийских государств в СССР как крупную политическую ошибку с далеко идущими последствиями.

24 августа 2009 г.

Образ России на постсоветском пространстве

Как воспринимали Россию на постсоветском пространстве в 2009 году? Какие факторы влияли на это? С какими позитивными и негативными ассоциациями связывается сегодня российская политика?

На эти вопросы попыталась ответить социологическая группа Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). Для проекта, выполненного по заказу РИА Новости, были выбраны пять стран: Армения, Грузия, Эстония, Украина и Казахстан. Это диктовалось их репрезентативностью для отдельных регионов – Южного Кавказа, Балтии, восточнославянского региона и Центральной Азии. Эстония, Украина и Казахстан интересовали также как страны со значительной долей русского и русскоязычного населения, Грузия – как единственная страна, с которой у России был вооруженный конфликт, в результате которого Грузия вышла из СНГ.

В каждой из стран по репрезентативной выборке было опрошено по 800 респондентов, одновременно проводился контент-анализ по одной из ежедневных газет в каждой из стран, издаваемых на языке титульной нации. Были также изучены и проанализированы тексты публикаций, связанных с Россией, в СМИ этих стран в 2009 году.

Армения

Основными темами, повлиявшими на формирование образа России в Армении, в уходящем году были российско-грузинская война в августе 2008 года и ее годовщина, прокладка газопровода «Южный поток» в Закавказье, проблема Нагорного Карабаха и мирного урегулирования конфликта с Азербайджаном. Внимание также было привлечено к вопросу об открытии армяно-турецкой границы и нормализации отношений с Турцией параллельно с наметившимся российско-турецким сближением. В Армении впервые наметилась тенденция, которую обосновал бывший заместитель министра обороны Армении Ваан Ширханян. Он обратил внимание на то, что опыт «цветных революций» на постсоветском пространстве показал их низкую эффективность и бесперспективность, что было обусловлено их изначальной конфронтационностью с Россией. Из-за этого 2–3 года назад англосаксы избрали совершенно новую технологию-трансформацию, которую они весьма успешно применяют в Армении. Она предусматривает абсолютную внешнюю преданность местных влиятельных политиков России. Однако за этим фасадом происходит полная перестройка политических реалий.

За последние 2–3 года условный индекс «пророссийской настроенности» в армянском обществе снизился наполовину, а среди политической элиты – на 85–90 процентов. «И это в условиях “трепетного” отношения нашего народа к России», – удивляется эксперт «Айастан и зруцакиц». Однако и контент-анализ армянской ежедневной газеты «Аравот» за

Марка совместного выпуска Россия–Армения, Год Армении в России. 2006 г.

8 месяцев 2009 г. показал, что из 265 статей, посвященных России и российско-армянским отношениям, позитивными по отношению к России можно назвать 76 статей, негативными – 85, нейтральными – 104.

Грузия

Определяющим и единственным фактором, влияющим на восприятие России в Грузии, является война

Пикет у грузинского посольства в Москве.

2008 г. и последующее признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Касаясь внутреннего положения в России, грузинские СМИ выделяют войну на Северном Кавказе, преступность и техногенные катастрофы, демографические проблемы, преследование оппозиции и т. п.

Контент-анализ ежедневной газеты «Ахали Таоба» показал, что из 392 материалов за первые восемь месяцев 2009 г. о России и российско-грузинских отношениях 363 могут считаться негативными и 29 – нейтральными.

Казахстан

Главным фактором, влияющим на формирование образа России в этой стране, является курс руководства Казахстана на союзнические отношения между двумя

странами. Вспомогательный фактор – некоторая напряженность в отношениях казахского и русскоязычного населения, которая почти не отражается в подцензурных СМИ. Для контент-анализа была взята ежедневная газета «Айкын». Из 447 материалов о России и российско-казахстанских отношениях 268 могут считаться позитивными, 59 – негативными и 120 – нейтральными.

Украина

На Украине на образ России влияли газовые споры, российско-грузинская война 2008 г. и ее последствия, споры по поводу русского языка. Дополнительными факторами можно назвать споры на темы

украинской истории, где главные сюжеты – голодомор и отношение к Украинской повстанческой армии (УПА), а также дискуссии в связи с 300-летним юбилеем Полтавской битвы. Контент-анализ ежедневной газеты «Дзень» показал, что из 484 материалах о России и российско-украинских отношениях 113 могут считаться позитивными, 185 – негативными и 186 – нейтральными.

Эстония

Главным фактором, определяющим формирование образа России в Эстонии в 2009 году, стала российско-грузинская война 2008 г. и ее последствия. Вспомогательный фактор – напряженность в отношениях с русскоязычным населением, постепенно ослабевающая со времен русско-эстонского противостояния вокруг Бронзового солдата.

Активисты «России Молодой» провели демонстрацию на Арбате после победы футбольной команды России над командой Эстонии (2:0) в отборочном матч ЧМ 2008. 11 октября 2006 г.

На образ России в эстонской прессе в наибольшей мере влияли проблема прокладки газопровода «Северный поток», принятие Госдумой России поправок к закону «Об обороне», позволяющих использовать российские вооруженные силы за рубежом для защиты российских граждан. Привлекли к себе внимание скандалы вокруг поездки мэра Таллина в Москву и в связи с исключением двух российских политиков из «черных списков» Шенгена. Для контент-анализа была взята ежедневная газета «Постимеэс». За первые восемь месяцев 2009 г. было найдено 314 материалов о России и российско-эстон-

ских отношениях. Из них 98 могут считаться позитивными, 136 – негативными и 80 – нейтральными.

Сегодня нельзя выделить какой-то один или даже несколько главных факторов, которые бы определяли бы характер образа России в той или иной стране. Этот образ зависит как от политики России к данной стране, так и от внутренней и внешней политики правительства данной страны, от историко-культурных особенностей и этнического состава населения. Однако все эти факторы действуют по-разному. К примеру, не существует прямой зависимости между долей в населении русского и русскоязычного населения и степенью того, насколько образ России положителен или отрицателен. В Армении, где образ России наиболее позитивен, русское население практически отсутствует. В то же время негативный образ России существует в Эстонии, где этому во многом способствует наличие многочисленной русской общины. В то же время в Казахстане, где доля русских выше, чем в Эстонии, имидж России положителен, причем как у русских, так и у казахов. Образ России, существующий у русского и преобладающего коренного населения данной страны, совпадает только в Казахстане. В Эстонии и на Украине их образы оказываются прямо противоположными.

Также не оказывает существенного влияния на образ России конфессиональный состав населения. На Украине, преимущественно православной, образ России оказывается скорее негативным, а в целиком православной Грузии – наиболее негативным из всех

пяти стран, тогда как в Казахстане – вполне положительным.

По убыванию показателя позитивности в отношении к России исследуемые страны можно расположить в таком порядке: Армения, Казахстан, Украина, Эстония, Грузия. А с точки зрения отношения к позитивным утверждениям в адрес современной России (к ним относятся следующие: «равноправный партнер», «покровитель и защитник», «родная страна», «источник культурных ценностей») распределение в процентном отношении получилось таким: Казахстан – 90,4, Армения – 87,2, Украина – 76,7, Эстония – 21,4, Грузия – 0,4. Это распределение почти совпадает с тем, которое получилось по показателям позитивности и дружелюбности, только Армения

и Казахстан поменялись местами. Это произошло из-за определения «родная страна», которое оказывается значимым в Казахстане, где есть многочисленная русская община, но не имеет никакого значения в Армении, где русских почти нет. Если исключить это определение, то порядок будет точно таким же, как и по показателям позитивности и дружелюбности.

Что же касается распределения исследуемых стран по отношению к негативным утверждениям в адрес современной России («угроза независимости», «империя, стремящаяся возродиться», «старший брат», «чужая страна с иной культурой»), то порядок нарастания негативных определений будет следующим (также в процентах): Казахстан – 3,6, Армения – 12,5, Украина – 23,3, Эстония – 78,3, Грузия – 99,3. По убыванию положительного отношения к роли современной России исследуемые страны распределились следующим образом: Армения – 89,3, Казахстан – 65,1, Украина – 17,1, Эстония – 9,0, Грузия – 0,2 (см. рис. 1). Точно таким же оказывается распределение по нарастанию негативного отношения.

Распределение по показателям отношения к роли России по отношению к собственной стране опрашиваемого в наибольшей мере отражает убывание позитива в образе современной России. Максимально положителен он в Армении, чуть менее положителен в Казахстане, слегка негативен на Украине, сильно негативен в Эстонии и максимально негативен в Грузии. Можно не сомневаться, что в данное распределение попадают крайние значения образа России: максимально положительный – в Армении, максимально

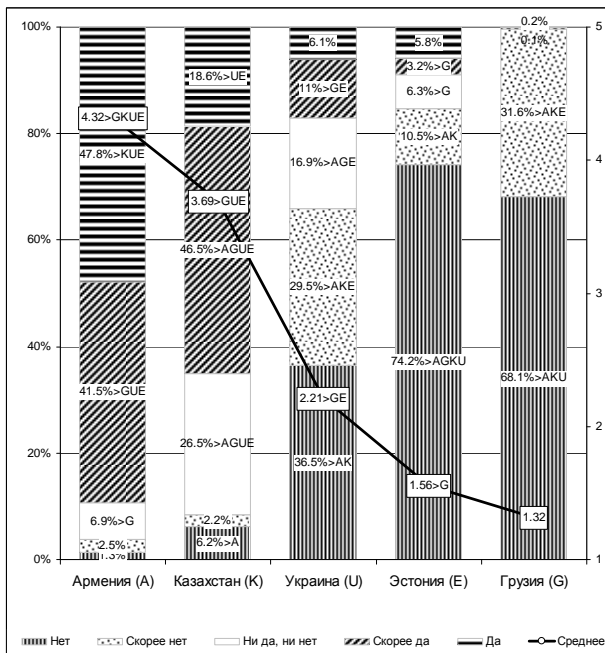

Рисунок 1

Позитивна ли для Вашей страны роль современной России?

отрицательный – в Грузии, и образы России во всех остальных государствах постсоветского пространства расположились между двумя этим крайними точками нашей условной шкалы.

Данные опроса свидетельствуют, что в формировании образа России на постсоветском пространстве главную роль играют СМИ, в первую очередь, телевидение. Только в Эстонии роль Интернета сравнима с ролью телевидения. Влияние же школьных учебников, книг и фильмов оказывается минимальным.

В целом данные проведенного социологического опроса свидетельствуют, что на образ России наиболее сильно влияет ее политика по отношению к соответствующим странам, и результаты этой политики накладываются на представления о России, существующие еще с советских (а порой и досоветских) времен. Культурно-ценностные характеристики существенной роли в формировании образа России сегодня не играют.

При этом образы России в разных странах и у разных этнических и социальных групп отличаются большей инертностью и не могут быть быстро изменены за счет тех или иных кампаний в СМИ. В основном на этот образ влияют изменения политических и экономических отношений Москвы с соответствующими странами и изменения общей политической линии в самой России.

Основной смысл исследования не весел, но и не пессимистичен (и в научном, и в мировоззренческом отношении). Между Россией и её ближайшими соседями часто присутствует ложное представление о знании друг друга. И дело не во взаимных стереотипах, а в застарелых репутациях, в плену которых в значительной степени находятся граждане постсоветского пространства. Важно учитывать, что положительный

образ России в глазах упомянутых соседей, как правило, статичен, архаичен («старший брат», «защитник»), а негативный – динамичен и склонен обновляться под натиском кризисных ситуаций. Аксиологический аспект отношения к России также тревожен, но подлежит улучшению. Дело в том, что восприятие России как носителя и транслятора культурных ценностей в значительной степени ушло на периферию оценок. Что, безусловно, лишней раз актуализирует задачу выстраивания новой культурной политики, иными словами, «культуроцентричности» стратегий России в ближнем зарубежье. Именно этот путь способен, судя по итогам исследования, в неконфронтационном режиме повысить авторитет страны и улучшить её репутационные характеристики.

7 декабря 2009 г.

«Отец народов» в национальных пантеонах

21 декабря исполняется 130 лет со дня рождения Иосифа Сталина. Давно было замечено, если хочешь узнать о состоянии общества, его предпочтениях и настроениях, то посмотри на отношение к Сталину. В бывшем Советском Союзе празднование юбилеев вождя во всех республиках проходило в унисон. Даже уникальные подарки в своем оформлении ограничивались идеологическими рамками – в реальной жизни воспользоваться ими было невозможно. Однако 120-летие (1999 год), а тем более 130-летие со дня рождения Сталина в странах СНГ и Балтии показывают заметные расхождения в оценке вождя. И дело не в фактах его конкретной биографии, а в создаваемом образе, используемом политической элитой, способе размещения в пространстве национальной культуры воспоминаний. И здесь обнаруживается, что комплекс Сталина и сталинизма преодолевается по-разному, часто весьма неожиданно и противоречиво.

В ряде государств образ Сталина находится в контексте «войны памятников». Белорусские левые, к примеру, объявили летом юбилейного года сбор средств для установки памятника Сталину в Минске,

Открытие памятника Сталину в Запорожье, Украина. 2010 г.

расценивая этот шаг как «установление справедливости». Одновременно главный архитектор Москвы заявил, что нужно вернуть памятник Сталину, который стоял в вестибюле станции метро «Курская» при жизни вождя.

В Грузии наоборот развернулась дискуссия о переносе памятника вождю в Гори с площади в музей. Эту дискуссию начал еще в прошлом году вице-премьер правительства Берамидзе, заявивший, что «в стране, которая является символом свободы», недопустимо, чтобы в центре города стоял памятник Сталину. В июле 2009 года инициативу подхватили

Демонтаж памятника Сталину в Гори. 2010 г.

неправительственные организации и эксперты: «Гори – это не город Сталина, это город грузинских героев нашего времени». Неизвестными лицами дважды совершалось нападение на памятник. В частности, его разрисовали надписями «Твое место в музее!», «Убирайся с пьедестала!». Ситуацию смягчило оглашение результатов опроса населения – 68,4 процента выступили против сноса памятника, 17 процентов поддержали эту идею, а 13,8 процента респондентов затруднились с ответом.

Общественность Латвии, Литвы и Эстонии, а также Молдавии сосредоточила своё внимание на трагических последствиях договора Сталина и Гитлера 1939

Открытие памятного камня жертвам советской оккупации. Кишинев. 2010 г.

года. Член парламента Литвы, историк Арвидас Анушаускас поднял вопрос о неприемлемости реабилитации в России внешней политики времен Сталина и отходе от решений Второго съезда народных депутатов 1989 года. А Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла в июле 2009 г. Вильнюсскую резолюцию, осуждающую в равной степени нацизм и сталинизм. Ее поддержали 213 депутатов из 320, заседающих в ассамблее. МИД РФ резко осудил эту резолюцию. Делегация Казахстана устами спикера Сената Касым-Жомарта Токаева выразила сожаление по поводу голосования большинства ПАСЕ.

Новые краски юбилейному году добавила Украина. Здесь болезненно смешались атаки на Сталина со стороны Виктора Ющенко и использование имени вождя в предвыборной кампании нового президента.

В мае по поручению Ющенко Служба безопасности возбудила «дело» о голодоморе, не заметив, что это противоречит украинскому уголовно-процессуальному кодексу, который не предусматривает возможности возбуждать дела в отношении умерших лиц, подозреваемых в совершении того или иного преступления. В июле Ющенко поручил генеральному прокурору рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела по факту незаконных выселений Сталиным в 1944 году крымско-татарского народа и других народов, проживавших на территории Крыма. На этом фоне лидер коммунистов Крыма Леонид Грач демонстративно, как «истинный марксист-ленинец», принимает памятную медаль «К 130-летию И.В. Сталина» от делегации КПРФ.

Имя Сталина довольно плоско использовал на конференции в Ливадии один из кандидатов в президенты Арсений Яценюк против другого кандидата – Виктора Януковича, приглашая того сесть в кресло генсека. Депутат Верховной Рады от «Нашей Украины» Юрий Ключковский вообще не сомневается, что происходит возвращение к ситуации времен Сталина, когда в ходе выборов было «важно, кто считает». То есть он недвусмысленно намекнул на распространенную практику вбрасывания бюллетеней для достижения нужного результата.

В России тоже заметна непоследовательность власти в «игре» со Сталиным. Сначала была предпринята попытка внедрить наставление для учителей с новым образом Сталина вождя как «эффективного менеджера». Причем, в режиме апологии авторитаризма,

Памятник Сталину на ст. метро «Курская-кольцевая».

имперской державности и по-сталински «счастливой истории». Затем в тех же учебниках появились поясняюще-примиряющие интонации о роли сталинизма в истории нашей страны, его вторичности по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Но эти паллиативные ходы перекрыла негативная оценка Сталина со стороны президента Дмитрия Медведева. А до этого он высказался о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учета «социальной себестоимости» при оценке реформ.

Таким образом, перед нами неоднозначная ситуация с преодолением плена Сталина на постсоветском пространстве. Если в одних государствах его образ однозначно связывается с преступлениями, то в других немало людей с патерналистским сознанием апеллируют к нему, просят защиты от бюрократов и мздоимцев, протестуют против последствий кризиса и инфантильной социальной политики. Очередной юбилей показывает, что во многом процесс освобождения от сталинизма определяется уровнем демократии, устройством власти, выдвижением именно общества на передние позиции, а не имитацией опоры на него, предоставлением именно ему права формировать управленческие структуры и формулировать понятный чертеж будущего.

21 декабря 2009 г.

2010

Вылечиться от «воспаления ЭТНИЧНОСТИ»

Прошедшее десятилетие дало много поводов для исторического описания в странах СНГ и Балтии. Произошли первые «цветные революции». Военные конфликты и экономические проблемы вышли за пределы постсоветского пространства, стали дополнительным свидетельством того, что складывается иная конфигурация, не связанная с однозначным доминированием какой-либо страны среди заново образованных государств.

Завершение формирования государственности в этих странах потребовало новых проектов по изучению и репрезентации истории. При этом ведущая роль в создании национальных историй перешла к политической элите, заинтересованной в определённой интерпретации прошлого.

Стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, выпячивание то одних, то других исторических эпизодов в зависимости от характера внешнеполитических ориентиров превратили историю в инструмент

политики. Возникли невиданные прежде определения – «война памятников», «война памяти».

Как гасить подобного рода войны? Этот вопрос со всей остротой встал перед историками постсоветских государств. А для них самих возник еще один актуальный вопрос: продолжится ли дифференциация историков по национальной принадлежности или все-таки – на основе научной позиции? Своеобразным ответом стало фундаментальное издание «Национальные истории на постсоветском пространстве. Десять лет спустя» – двухлетний проект Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) и Фонда Фридриха Науманна, который осуществлялся при поддержке Экспертного совета РИА Новости.

Как свидетельствуют статьи профессора из Украинской национальной академии наук Георгия Касьянова, профессора Белорусского государственного экономического университета Олега Буховца, культуролога из Молдавии Ирины Цвик, у историков в повестке дня сложное, но крайне важное задание: преодолев всеобщее «воспаление этничности» ранних постсоветских лет, вписать уникальный опыт каждого народа в культурно-исторические пространства постсоветского ареала и мира в целом.

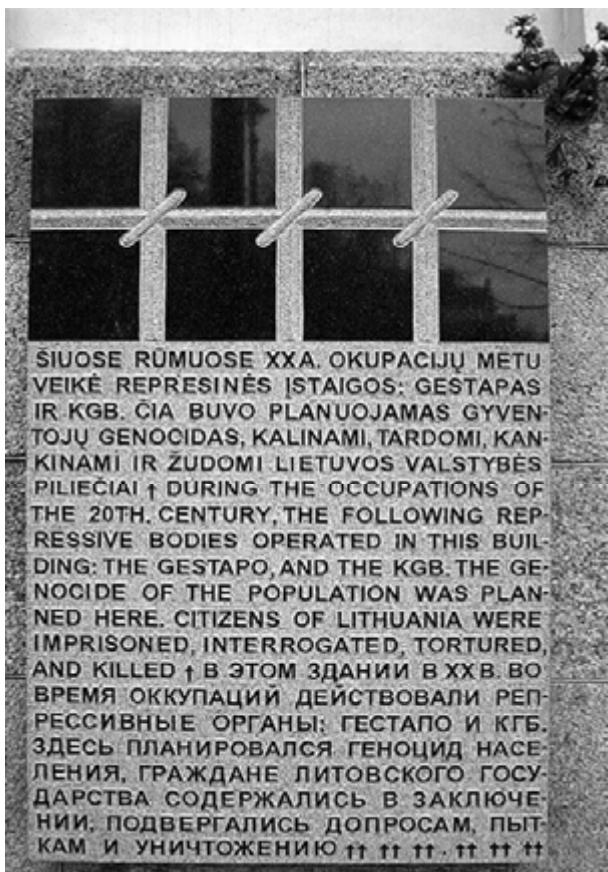
В странах Балтии, к примеру, нет общей идентичности, а потому трудно найти позитивное объединяющее прошлое. Об этом пишут директор исследовательских программ «Балтийского форума» Виктор Макаров из Риги и профессор Вильнюсского университета Нейрюс Шепетис. Спор идет «через забор». Это, по мнению историков, создает дополнительную

Музей оккупации. Эстония.

внутреннюю проблему: нет спора в установлении исторических фактов, но есть серьезная проблема в их восприятии. Латыши с болью вспоминают такие даты, как день оккупации и дни массовой депортации. Они считают 18 ноября (день создания Латвийской Республики) своим праздником, русскоязычные латвийцы к этим датам относятся с прохладцей, зато горячо и эмоционально отмечают 9 мая. Это болезненно для обеих сторон, потому что обе эти интерпретации долгое время навязывались политиками. Возникла усталость общества от разыгрывания этнической карты. Неграждан в странах Балтии становится всё меньше, но расхождение траекторий остается и подпитывается обидами: история не растолкована таким образом, чтобы никто не чувствовал дискомфорта. Историческая рефлексия, естественная для открытого и зрелого общества, – нежелательная роскошь, пока исторические водоразделы совпадают с этнополитическими. Но как можно растолковать историю, если те, которые могут её растолковать, имеют собственное толкование? Эстонский историк и издатель Андрус Адамсон в своей статье сформулировал эту проблему так: для России, к примеру, успех – это победа в войне; у нас другой взгляд – если, победив, освободили – почему не ушли, а не ушли – значит, захватили.

Безусловно, необходимо понимание и уважение к различиям национальных памятей. События 1944 года, когда Красная армия выбила немцев из Литвы, Эстонии и большей части Латвии, – это победа. Однако для эстонцев, литовцев и латышей военные победы

Музей геноцида. Литва.

Музей оккупации. Латвия.

советских солдат означали еще и возвращение их стран в состав СССР. И из их памяти не вырежешь, что это государство в 1940 году лишило их национальной независимости, всего за 11 месяцев, с июля 1940 года по июнь 1941 года, произошли многочисленные политические аресты, высылка десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан. А после «освобождения» осенью 44-го были и новые аресты, и массовая депортация, и насильственная коллективизация. Следовательно, не поступаясь законной гордостью за военные успехи Красной армии, надо знать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успе-

хи народам Балтии. В свою очередь, балтийским народам необходимо понимание, что означает для России, других постсоветских государств, да и для всего человечества память о великой борьбе народов с нацизмом. Не для того нужен диалог, чтобы переубедить, а чтобы понять друг друга. Эта позиция, предложенная Международным обществом «Мемориал», разделялась всеми участниками проекта.

Кто есть сегодня «постсоветские люди», чью историю пишут историки, рассеянные по пространству независимых государств, – народов, наций, государств, режимов? Как работают в этой области государственный заказ и общественный интерес? В книге на эти темы размышляют историки и политики из стран Южного Кавказа. Среди них директор Института Кавказа, профессор Александр Искандарян, профессор Бакинского государственного университета Эльдар Исмаилов и доцент этого же университета Ильгар Нифталиев, профессор Института политологии Грузии Отар Джанелидзе и журналист Гия Сиамашвили. Своими взглядами также делятся учёные из стран Центральной Азии: профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Жанат Кундакбаева, доцент Российско-Таджикского славянского университета Мунира Джамалова и председатель наблюдательного совета Европейского клуба Кыргызстана Валентин Богатырёв.

Многие авторы статей обращают внимание на то, что в России, на её политическом и культурном пространстве, появилась мода на имперскость – во внешних проявлениях, в символике, стилистике. Татьяна

Филиппова, представитель РФ в проекте, являющаяся заместителем главного редактора журнала «Родина», приводит в связи с этим слова идеолога британских консерваторов Уильяма Хейга: «Я – за патриотизм без фантазий». Вот так же, без фантазий, стоит относиться и к задачам исторической науки и исторического образования. Именно историки способны содействовать созданию той «дорожной карты», которая поможет современным государственным деятелям не наткнуться на ухабы застарелых этнических и национальных конфликтов и спокойно заниматься своими делами – «без фантазий». Пришло время создания такого образа прошлого каждой постсоветской страны, который бы способствовал стабилизации, нормальным отношениям с соседями.

9 февраля 2010 г.

Политики и «правильные истории»

Решение весенней сессии ПАСЕ о вине сталинского режима в массовом голоде в СССР в 30-е годы XX века вызвало множество разных оценок, что понятно и объяснимо. Жаль только тех комментаторов, которые воспринимают серьезные споры вокруг исторической трагедии как соревнование, в котором, к несчастью для националистов, побеждает российская дипломатия. При этом последователи бывшего президента Украины Виктора Ющенко спешат присвоить себе заслугу в том, что голод был отнесен к «преступлению сталинского режима», как будто раньше таких определений никогда не было.

И тем не менее сейчас прозвучало главное – европейские парламентарии отказались признать голод на Украине в 1932–1933 годах «геноцидом украинского народа». Именно эта точка зрения на протяжении последних лет отстаивалась профессиональными историками на всех круглых столах, телемостах, заседаниях экспертных советов. Именно об этой позиции неконъюнктурных историков высказалась, наконец, и Ассамблея, призвав все государства Совета Европы впредь воздержаться от попыток оказывать политическое влияние на историков и не предвосхищать результаты исследования по этой теме.

Апрельское решение ПАСЕ сделало очевидной всю тщетность усилий Ющенко использовать голодомор как внутри- и внешнеполитический инструмент своей власти и как идеологический символ для сплочения нации. Ему не удалось придать Украине статус жертвы и «приватизировать» трагедию для выстраивания украинского национального самосознания. Отрицание всего советского, русского в прошлом оказалось весьма шаткой подпоркой для этого. Вот и международные организации, вопреки страстному желанию Ющенко и окружающих его националистических историков, не пожелали придавать общей беде этническую окраску и использовать этноцентризм в интерпретации исторических событий. Данный факт является прекрасным примером того, что может случиться с политическим лидером, когда он грубо разыгрывает антироссийские карты в историческом пространстве.

Зато укрепились позиции профессиональных историков, от которых прежде отмахивались. Они документально обосновали, что аграрный кризис и голод являлись результатами политики бешеных темпов индустриализации, коллективизации, осуществляемой сталинским режимом за счет ограбления деревни, безжалостной эксплуатации крестьянства. Насилие стало способом преодоления хлебозаготовительного кризиса 1932 года. За это несут ответственность центральное и региональное руководство тех лет и лично Сталин. Ситуацию можно было смягчить, не отказываясь от международной помощи, не пресекая стихийную миграцию крестьян, не запирая их в голодающих районах.

«Бежущий человек». К. Малевич, 1932–1934 гг.

Голодомор невозможно рассматривать как акцию, организованную исключительно с целью «уморения» и уничтожения миллионов украинцев, она была свя-

зана в первую очередь с массовой гибелью людей на территории Советского Союза в результате голода. Известно, что в унитарной стране республики являлись абсолютно несамостоятельными, управлялись из Центра. Ни о каком выходе из состава СССР не могло быть и речи. От голода пострадали все народы, национальная принадлежность не имела никакого значения. Однако в эпицентре трагедии оказались зерновые районы и проживающие там граждане.

Решение ПАСЕ содержит в себе большой заряд для дальнейших действий, прежде всего, на Украине. Как мне кажется, был бы оправданным пересмотр закона, определяющий голодомор как геноцид украинского народа. Это позволит начать расчистку других завалов, созданных Ющенко, большим ученым от истории. Речь идет о попытке увековечить Украинскую повстанческую армию (УПА) и ее лидеров, об объявлении Шухевича и Бандеры героями Украины.

Все чаще можно услышать от украинских историков, что при написании школьных учебников по истории нельзя придерживаться принципа героизации своих и унижения чужих. В этом русле и надо рассматривать положительное отношение ПАСЕ к решению украинских властей создать национальный день памяти жертв голодомора на Украине, призыв к властям других стран, которые также пострадали, сделать то же самое в отношении своих собственных жертв. Кроме того, Ассамблея призвала договориться о совместной деятельности стран, направленной на увековечивание памяти о жертвах голодомора, независимо от их национальности.

Гірка пам'ять
України

1932 - 1933рр.

У полі висушли
криниці.
Ніхто не сів,
не орав,
Голодний рік, мов
чорна птиця,
Над краєм змореним
літав.

*Довілася Україна...
Україна відкрила наші
околиці в колосальній
війні на Україні.
Дідусь і протестув.
Г. Бордюгов*

История с голодомором показывает, что никакими указами невозможно создать «правильную историю», а тем более защищать ее преследованием неконъюнктурных историков. Какие бы ни были режимы власти на постсоветском пространстве, они, как показывают последние двадцать лет, неизбежно обнаруживают тенденцию к созданию своей собственной исторической мифологии. Очень часто она не сплавливает, а разъединяет народы. Но профессиональная история не может и не должна принимать оценки от политиков.

30 апреля 2010 г.

Общее пространство ПАМЯТИ

65-летний юбилей Победы страны СНГ, Балтии и Грузия встречают в новых условиях. За годы, прошедшие после распада СССР, не только появились новые независимые государства и новые границы. Некоторые из них уже пережили первые постсоветские «цветные революции» и первые войны между бывшими республиками СССР. Военные и экономические конфликты стали дополнительным свидетельством того, что довольно быстро складывается новая геополитическая конфигурация, не связанная с однозначным доминированием какой-либо страны среди заново образованных государств. Тем не менее среди сформулированных на государственном уровне задач в области истории, сохранения и развития национальных духовных и материальных ценностей одной из главных признана общая Победа в Великой Отечественной войне.

Пять лет назад, накануне 60-летия Победы, концепция юбилейных торжеств не могла не учитывать невиданную «войну памятников» и «войну памяти», попытки принизить роль Советского Союза в войне. Сегодня, спустя почти 20 лет после распада СССР, вопреки многим прогнозам, появилось больше возможностей для единства и согласия вокруг Дня

Победы и сотворенного этой датой пространства памяти. Оно не знает границ, не различает национальностей, стоит выше текущих политических обстоятельств и конъюнктуры.

Девятое мая никому не удалось принести в жертву национализму или этноцентризму, свидетельства этому зафиксированы будущими историками. Во многих странах СНГ День Победы официально является праздничным и нерабочим днем. Как никогда развернулась социальная забота о ветеранах войны – жилищная, медицинская, финансовая. Там, где государство не предусматривает подобную поддержку, включаются иные рычаги помощи. В Грузии ветеранов отправляет на лечение Союз российских соотечественников «Отчизна» и Международный гуманитарно-благотворительный союз «Надежда». В Таджикистане каждый фронтовик прикреплен к какой-нибудь

организации, которая ему помогает. В Латвии общество «9мая.ЛВ» второй год подряд проводит акцию «Помоги ветеранам!» – собирает пожертвования, покупает подарки. Словом, долги государства возвращает само общество: дети, внуки, правнуки ветеранов.

Однако наиболее показательной чертой укорененности этого праздника является то, насколько он обростает новыми традициями, особенно, когда они проявляются снизу. Российская акция «Георгиевская ленточка» охватила Грузию, Молдавию, Белоруссию, Таджикистан, некоторые области Украины. Накануне Дня Победы в Киеве стартовал международный проект «Летят журавли». В нём приняли участие более тысячи молодых людей, которые занимались поисковой работой, выезжали на места боёв, обустроивали воинские захоронения, записывали воспоминания ветеранов, создавая уникальный архив свидетельств участников войны. Личные истории фронтовиков подняли из неизвестности акции «Память сердца»,

которую проводит Международный фонд «Русский мир», а также «Фронтовой альбом», организованный РИА «Новости».

С нетерпением повсюду ожидают военные парады и торжественные прохождения войск в честь Победы. Они состоятся в 61 городе России, а также в пяти городах Украины, в городе-крепости Бресте и в Минске. По Красной площади пройдут 9 мая сводные батальоны стран СНГ, которые когда-то в составе единого боевого братства сражались с фашистами. Свое участие в параде подтвердили Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Молдавия и Украина.

Этот праздник остаётся важным фактором межгосударственных отношений. Невозможно не реаги-

ровать на отголоски «войны памятников», когда по указу Михаила Саакашвили взрывают памятник воинам-победителям в Кутаиси, а в Узбекистане памятник павшим советским солдатам заменяют на памятник в честь своих новых вооруженных сил.

Пусть временно исполняющий обязанности президента Молдовы Михай Гимпу отказался присутствовать на празднике в Москве, объяснив это тем, что побежденным туда ехать незачем (его дед был солдатом румынской армии). Можно представить, что сказали бы Гимпу – за безответственное поведение перед павшими – 70 тысяч солдат разных национальностей, отдавших свои жизни за освобождение Молдавии. А лучшим ответом для сомневающихся или комплексующих лидеров являются слова президента Латвии Валдиса Затлерса: «Даже просто стоять и смотреть на праздничные торжества – это тоже своего рода проявление уважения к соседнему государству и его страданиям... Не стоит делать политику из событий 65-летней давности. Нужно смотреть, что мы создадим в будущем. Наша позиция такова, что каждое государство, оглядываясь на своё трагическое прошлое, должно уважать и страдания другого народа».

В России никогда не было и не будет стремления приватизировать общую Победу. Поэтому в российских учебниках истории сохранена память о том, что стоило каждой республике бывшего Советского Союза участие в войне. Вот некоторые цифры:

– из 700 тысяч азербайджанцев, которые ушли на фронт, половина не вернулись домой;

– Армения послала на фронт 600 тысяч человек, 175 тысяч погибли;

– из Грузии ушли на войну 700 тысяч солдат, более 300 тысяч из них погибли;

– из Абхазии на фронт призвали 55 тысяч человек, 17 тысяч погибли;

– из Казахстана на фронт отправились 1,2 миллиона человек, почти половина не вернулись.

В Великой Отечественной войне участвовали около 1,5 миллиона представителей Узбекистана. Против фашистской Германии воевали около 400 тысяч уроженцев Молдовы, 40 тысяч эстонцев.

Огромный, неоценимый вклад внесли в Победу народы России, Украины и Белоруссии. На их долю пришлось и наибольшее число жертв.

Вечная память погибшим в войне. Низкий поклон всем фронтовикам.

7 мая 2010 г.

Нюрнбергская прививка от нацизма

«Итог войны заключается в прививке от нацизма, которая была сделана всему миру в Нюрнберге». Эти слова Дмитрия Медведева на праздновании 65-летия Победы наполнены глубоким смыслом, поскольку именно обвинительные акты Нюрнбергского (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) и Токийского (3 мая 1946 г. – 12 ноября 1948 г.) процессов подвели итоги Второй мировой войны. Какие бы сентенции не звучали сегодня по поводу «правосудия победителей», как не вытеснились бы из общественного сознания вина и ответственность за военные преступления, как не оспаривались бы законность проводившихся судебных процессов и обоснованность выносившихся приговоров, историческое значение международных трибуналов непреходяще. Как подчеркивал председательствовавший на первом трибунале Джеффри Лоренс, они являются «единственными в своем роде в истории мировой юриспруденции».

Для современных исследователей невероятно, что суд вообще состоялся. Далекое не как шутку восприняли многие слова Иосифа Сталина на Тегеранской конференции в 1943 г., где он предложил тост в честь «правосудия группы расстрела» и необходимости 50000 расстрелов. Франклин Рузвельт и Уинстон

Черчилль были шокированы этой цифрой, хотя сам метод тогда импонировал им. Во всяком случае, до смерти Гитлера правительства США и Великобритании фокусировали свое внимание на схеме упрощенного судебного процесса, а лорд-канцлер Джон Саймон считал, что проведение суда для нацистских главарей просто неуместно.

Что на самом деле стояло за этими опасениями? Боязнь, что могут всплыть неприглядные стороны в деятельности правительств Великобритании, США и других западных государств: их пособничество Гитлеру в создании мощной военной машины и поощрение фашистской Германии к нападению на Советский Союз? Перерастание разоблачений преступлений нацизма в обвинение империализма, выпестовавшего его и приведшего к власти? Сегодня мы вправе

Альфред Розенберг. Рига. 1942 г.

открыто говорить о трудностях с участием в Нюрнбергском процессе Советского Союза. К примеру, убедительность одного из пунктов обвинения – «преступления против мира» – ослаблялась последствиями германо-советского пакта 23 августа 1939 г., а еще точнее, секретного протокола, позволяющего Сталину развернуть действия против Восточной Польши, стран Балтии и Финляндии. Странной, мягко говоря, была и настойчивость советского обвинителя в том, чтобы назвать расстрел поляков в Катынском лесу в числе зверств, совершенных нацистами. Однако человеческие потери СССР в войне были столь велики, а решающий вклад в разгром Германии столь очевиден, что отсутствие советских обвинителей и судей было бы немислимим.

Перипетии трибунала в принципе хорошо известны и всесторонне прописаны в литературе. Но для граждан бывшего СССР особенно актуальна и поныне фигура «философа», выходца из Эстонии Альфреда Розенберга, который нес ответственность за восточные оккупированные территории. Он был объявлен виновным по всем четырем пунктам обвинительного акта – «сговор», «преступления против мира», «военные преступления», «преступления против человечности» – и приговорен к повешению.

Еще с начала 20-х годов Розенберг сочинял подстрекательские пасквилы против Советской России, в которых стремился противопоставлять народы СССР друг другу. Многие забыли, что накануне войны именно он предложил создать на территории СССР пять крупных губернаторств: Остланд (Эстония,

Латвия, Литва и Белоруссия), где для полной германизации отводилась жизнь двух поколений; Украина (Восточная Галиция, Крымский полуостров, территории по Дону и Волге, а также бывшей советской республики немцев Поволжья) – с предоставлением ей определенной автономии; третье губернаторство включало территорию Кавказа; четвертое – собственно Россия до Урала; пятое – Туркестан. Гитлер, помня о провале политики Германии на Украине в 1918 г., выступил против предоставления Украине автономии. Он также предложил заменить губернаторства рейхскомиссариатами.

Судя по деятельности министерства Розенберга на оккупированных советских территориях, новая система управления была направлена в первую очередь на разграбление экономики. Так, например, в своем письме Борману от 17 октября 1944 г. Розенберг указывал, что только подотчетное ему Центральное торговое общество Востока по сбыту и потреблению товаров сельского хозяйства, со времени своего основания по март 1944 г., собрало и направило в Германию: 9200 тысяч тонн злаковых, 622 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, 950 тысяч тонн масличных семян, 208 тысяч тонн масла, 400 тысяч тонн сахара, 2500 тысяч тонн объемного фуража, 3200 тысяч тонн картофеля, 141 тысячу тонн семян, 1200 тысяч тонн прочих продуктов, 1075 тысяч штук яиц. Ограбление приводило к массовому голоду и резкому увеличению смертности местного населения.

Подводя итог деятельности Розенберга, приговор Международного военного трибунала гласил, что он

был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных областей; декреты Розенберга предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто; подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев. Всему миру известен расстрел киевских евреев в Бабьем яру, уничтожение прибалтийских евреев, сожжение еврейских местечек в Белоруссии вместе с их жителями и повсеместное сожжение живьем евреев, согнанных в синагоги. На землях, которые контролировало ведомство Розенберга, уничтожению подвергались не только евреи и цыгане, но и представители других народов СССР.

Международные трибуналы и, в частности, участь Розенберга позволяют и сегодня извлечь множество уроков. Об одном из них хочется сказать особо. Преступные режимы не вырастают внезапно. Говоря, к примеру, о времени с прихода Гитлера к власти в 1933 г., один из главных организаторов военной экономики Германии Ялмар Шахт с полным основанием имел право спросить в своих мемуарах: «Как немецкий народ мог осознать преступность своего правительства, если зарубежные страны относились к этому правительству со столь большим почтением?». Об этом обстоятельстве упоминал и Э.Л. Вудворд, историк-консультант при министерстве иностранных дел Великобритании, говоря устроителям судебного разбирательства, что вплоть до 1 сентября 1939 г. правительство его величества было готово смотреть сквозь пальцы на все совершенное Германией, лишь бы обеспечить сохранность своих позиций в Европе. Чем это закончилось, известно.

В контексте раскрытых преступлений нацизма, конечно, весьма странными кажутся пронесшиеся по постсоветскому пространству «войны памяти», попытки растащить по национальным квартирам общую Победу 1945 года. Но еще более тревожным сигналом являются военные конфликты, случившиеся после распада СССР – в Приднестровье (конфликт за независимость от Молдавии), Абхазии и Южной Осетии (за независимость от Грузии), Чечне (за независимость от России), Нагорном Карабахе (за независимость от Азербайджана). Дважды на постсоветском пространстве происходили гражданские войны – в Грузии и Таджикистане. Все эти трагические события сопровождалось этническими чистками, преступлениями против мирных жителей, попытками ликвидации национальной самобытности, натравливанием народов друг на друга, раздуванием межнациональных противоречий. Рано или поздно все это найдет свою правовую оценку, а значит, прививка Нюрнберга способна действовать и сдерживать.

1 сентября 2010 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История снова играет злую шутку с Россией. Все постсоветские государства – не без труда, быстрее или медленнее – освободились от советского, имперского прошлого. Мы же не нашли (или не захотели найти) способы, чтобы сделать то же самое. Поэтому и проявилась такая болезненная реакция на то, что происходило в странах СНГ и Балтии в 2005–2010 гг. и получило название «войны памяти». Однако смысл, заложенный в эти войны для обозначенного периода, по сути, исчерпал себя. Обращение «О национальных образах прошлого» Международного историко-просветительского общества «Мемориал» (март 2008 г.) уловило главную тенденцию – потребность в переходе к спокойному диалогу по поводу общего прошлого и взаимном уважении национальных культур памяти. А последний юбилей Дня Победы четко зафиксировал растущее единство и согласие вокруг этой даты, наполнение её новыми традициями, возникающими в постсоветских обществах снизу. Даже на Украине в 2011 г. Верховная Рада приняла закон об увековечивании Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и порядка официального использования копий Знамени Победы. Правда, кое-где старое снова напомнило о себе – львовские активисты партии «Свобода» под красно-

чёрными флагами выступили против фронтовиков, пытались насильственно снять георгиевские ленточки с людей, которые шли к Холму Славы. В России и в Европе эту акцию расценили как фашистскую.

Похоже, что с феноменом «войн памяти» мы будем сталкиваться и дальше. Своеобразие нового этапа состоит, скорее всего, в том, что актуальными и резонансными станут столкновения внутри России. Внешние аспекты отойдут на время в сторону.

Предмет внутренних «войн памяти» очевиден для всех – Сталин, Победа, Мавзолей Ленина и, конечно, такие приближающиеся юбилейные даты, как 400-летие Дома Романовых, 100-летие начала Первой мировой войны с последующими революциями 1917 года и Гражданской войной. Смысл противостояния – прощание с советским и имперским прошлым или реанимация его в новых формах.

Идеологическая оболочка подобных «войн памяти» в той или иной степени будет обусловлена процессом рестаилинизации, или дестаилинизации. Еще совсем недавно народу предлагалась позитивная идентичность, основанная на «счастливой истории». Образованная Кремлем Комиссия по противодействию фальсификации истории должна была защитить традиционные для советского периода исторические оценки. Но в 2011 г. президентский Совет по правам человека представил программу по дестаилинизации «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», демонстрирующую очевидный разрыв с предыдущей исторической политикой.

По методам действия и те и другие инициаторы старо-новых проектов памяти мало чем отличаются друг от друга. Представители обеих сторон предусматривают политизацию истории, запреты, надзор, наказуемость за инакомыслие, унификацию подходов к прошлому уже на стадии обучения истории в школе. Поэтому, когда читаешь, что десталинизация – «невежество, инквизиция и гражданская война» (Модест Колеров), сразу хочется спросить, а к чему вела исходящая из окружения автора этих слов программа, связанная с «эффективным менеджером», «счастливым забвением», вообще снятием ответственности с политических режимов за «счастливое прошлое»?

Нет сомнений в том, что десталинизация является «отражением нового идеологического курса Медведева». Но не подразумевает ли этот курс «преодоление советского прошлого и, главное, советского образа Победы» (Дмитрий Андреев)? Если так, то мы накануне нового витка «войн памяти», что обнаружится позже – сейчас, понятно, все подчинено борьбе за власть.

Есть ли выход? Есть. Перестать политизировать советское прошлое и Победу, отказаться от использования их как площадки в предвыборных баталиях, наложить временный мораторий на темы, вызывающие раскол в обществе.

Умная историческая политика может проявить себя в том, чтобы наполнить великую и трагическую советскую эпоху человеческим содержанием, в контексте которого «войны памяти» становятся бессмыс-

ленными. Неприемлемость сталинского режима и типа власти совсем не означает отказа от проработки природы «советского» и связанной с ней идентичности. Тем более что переход от «советского» к «российскому» далек от завершения. Невозможно одноmomentно наполнить ценностно-символическим содержанием новую модель. Это стало понятно в течение 20 лет, показавших, что советское прошлое – это никакая не аномалия, никакой не провал в истории России. Мир советской повседневности демонстрирует множество стратегий поведения, далеких от предписаний власти – «пишем по декрету, а живем по секрету». В этом контексте никто, конечно, не захочет возвращаться к той советской истории, которая отталкивала своей предсказуемостью, сакрализацией пятилеток как способа продвижения к идеальному будущему.

Другой способ лишения «войн памяти» подпитки – помещение национальных историй в расширенное пространство прошлого и глубокий контекст мирового времени.

Однако, увы, указанные способы достижения перемирий или даже мирных договоров на полях баталий «войн памяти» – это вряд ли повестка сегодняшнего или даже завтрашнего дней. Наша нынешняя политическая – да и просто человеческая – культура, мягко говоря, далека от совершенства. И в приближающейся ситуации нового передела сфер влияния – передела, замаскированного под очередной большой электоральный цикл, – не исключено, что заданные и программирующие проекты памяти окажутся снова

востребованными. А значит, «войны памяти» еще будут всячески препятствовать человеческому взгляду в прошлое. Свою лепту в подогревание таких войн внесёт и с виду благополучный Запад, где причины пробуксовки широко разрекламированного мультикультурализма все чаще начинают углядывать в неправильно расставленных исторических акцентах.

Но названные трудности на пути преодоления «войн памяти» – отнюдь не повод отказываться от борьбы за новый взгляд в прошлое – взгляд, чуждый демонизации или, напротив, панегирического возношения и вместе с тем исполненный гражданской ответственности за историю.

Лекции, доклады,
мастер-классы, выступления
Г.А. Бордюгова
в рамках проектов и форумов
РИА «Новости» в 2006–2010 гг.:

18 июля 2006 г., Москва

Мастер-класс «Как создаются мифы о прошлом?» –
Первая международная летняя академия молодых
журналистов стран СНГ.

11 сентября 2006 г., Москва

Выступление на Круглом столе «Модернизация пост-
советского пространства. Повестка для завтрашне-
го дня».

Постсоветское пространство Геннадий Бордюгов сравнивает с весами: есть национальные интересы, есть наднациональные. И, в зависимости от ситуации, одни всегда превалируют над другими. И эти два понятия, убежден он, будут сосуществовать еще очень длительное время. Процесс же мировосприятия в массовом сознании Бордюгову представляется как хождение по кругу, на который идет давление внешних конъюнктурных обстоятельств: «В идейной сфере за последние 15 лет происходила национализация массового сознания, в котором особую роль играли национальные движения и национальные лидеры. Сейчас Содружест-

во находится на стадии, когда происходит инструментализация прошлого и одновременно изменение представления об обозримой перспективе». Немаловажным экспертом назвал то обстоятельство, на какой дистанции находится то или иное государство по отношению к России. По словам Бордюгова, существует опасность выстраивания иерархии народов на постсоветском пространстве, где есть главные и второстепенные, как это было в Советском Союзе. «Поэтому, когда мы говорим о русской культуре и русском языке, надо замечать, что мы очень мало говорим о языках стран СНГ. Мы мало говорим о сохранении и изучении грузинского, армянского, азербайджанского, узбекского языков. Мы мало говорим о национальных школах, национальных театрах... Нельзя упускать из вида то, что рождается в странах СНГ и притягивает друг друга... Посмотрите, какая была реакция молодежи, когда появилась грузинская девушка в казахской группе А-Студио... Очень важно отслеживать, что рождается снизу, в сознании людей, в их желаниях. Как раз этому принадлежит определяющая роль в создании духовного, идейного, культурного пространства.

<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=30232>

28–29 сентября 2006 г., Ереван

– Мастер-классы «Как создаются национальные истории?» в Российско-армянском (славянском) государственном университете и Институте Медиа.

– Доклад «Образы стран Южного Кавказа в учебниках истории и представлениях российских историков» – Международная конференция «СМИ и новые межгосударственные отношения в кавказском регионе».

2 декабря 2006 г., Москва

Выступление «Трудные вопросы истории в СМИ постсоветского времени» – Первый Форум национальных СМИ стран СНГ и Балтии.

8 декабря 2006 г., Брест-Вискули

Доклад «Инструментализация прошлого. Проблемы создания национальных историй на постсоветском пространстве» – Международная конференция Ливадийского клуба «Россия. Украина. Беларусь. 1991–2006. Государства и общество: контуры будущего».

15 декабря 2006 г., Киев

Выступление «Украина – Россия: заложники общей истории?» – Круглый стол РИА «Новости»-УНИАН «Украина – Россия: 15 лет врозь или вместе?»

«Надо встречаться экспертными группами, надо дружить народами, надо вступать в диалог парламентами», –

кто из апологетов улучшения украинско-российских отношений только не призывал к общению. Информгентство УНИАН совместно с российским «РИА Новости» предоставили площадку для такого диалога и провели первую дискуссию... Она прошла с эмоциями и сопровождалась непростой дискуссией... Геннадий Бордюгов в этот день нашел слова, с которых реально можно начинать диалог и искать взаимопонимание: «У нас особые счеты с далеким и близким прошлым... Давайте будем профессионально честными и мужественными в оценке нашего сокрушительного опыта»... Столь благожелательное и серьезное начало, заданное Геннадием Бордюговым, сулило, что диалог будет продуктивным...

<http://www.unian.net/rus/news/news-177181.html>

19 декабря 2006 г., Москва

Выступление на Форуме Экспертного Совета РИА «Новости», АИРО и Фонда Фридриха Науманна «Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди?».

23 марта 2007 г., Москва

Выступление «Третья попытка возвращения в Россию: из исторического опыта XX века» – Круглый стол в пресс-центре РИА «Новости» «Соотечественники возвращаются».

17 мая 2007 г., Москва

Выступление на Круглом столе в пресс-центре РИА «Новости» «Образование и вызовы XXI века на постсоветском пространстве».

24–27 июля 2007 г., Брест-Минск

– Выступления во время медиатура по Белоруссии, посвященного проблемам сохранения исторической памяти.

– Интервью программе «Контур» Общественного национального телевидения.

6 ноября 2007 г., Москва

Выступление во время видео-моста Москва–Киев «90 лет Великой Октябрьской социалистической революции: кризис левой идеологии на постсоветском пространстве».

Открывая видео-мост в РИА «Новости» между Москвой и Киевом, Геннадий Бордюгов подчеркнул, что юбилей революции не оставил равнодушными многих. Своя культура воспоминаний есть не только у общества, но и у каждой семьи. Во всяком случае, 11 % россиян, по опросам, сказали, что, несмотря на отмененную дату, будут отмечать день 7 ноября как праздник...

Семнадцатый, девяносто первый, две тысячи седьмой. Разговор историков и общественных деятелей показал: на одни и те же события из Москвы и Киева смотрят по-разному. «Но в общей истории мы вряд ли потеряемся», – подвел черту руководитель научных проектов Ассоциации исследователей российского общества Геннадий Бордюгов. Возможно, само признание этого факта позволит сблизить наши взгляды и позиции в будущем. Диалог интеллектуальных элит должен этому помочь».

www.novosti.az/expert/20071107/42012149.html

21 декабря 2007 г., Киев

Выступление на конференции «Россия и Украина в судьбе восточнохристианской цивилизации: история, культура, язык, вера».

17 июля 2008 г., Москва

Выступление во время видео-моста Москва-Киев по теме «Кто кого морил голодом в 30-е годы?».

В начале встречи модератор дискуссии, московский историк Геннадий Бордюгов представил новую книгу

своего коллеги Виктора Кондрашина «Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни». Бордюгов заверил, что это издание представляет новый взгляд на историю голодомора, а потому книгу Кондрашина можно считать «историческим импульсом к очередному разговору о трагедии советского народа.

<http://www.vz.ru/politics/2008/7/17/187799.html>

8 декабря 2008 г., Москва

Выступление на международных дебатах «Роль СМИ в межкультурных отношениях».

Дебаты, организованные Представительством Еврокомиссии в России, можно назвать одним из самых неожиданных и ярких событий в общественной жизни Москвы. Дискуссия о роли СМИ в межкультурных и межрелигиозных отношениях проходила при поддержке РИА «Новости» и журнала «Russia Profile». Официальное по своему существу мероприятие стало площадкой для обмена мнениями между западными и российскими экспертами по поводу того, какую позицию должны занимать СМИ в обществе во время конфликтов... Свой оригинальный взгляд на концепции развития России предложил Геннадий Бордюгов. По его мнению, Россия скорее сдавливается Востоком и Западом... Либеральную модель предлагает Анатолий Чубайс, православно-патриотическую модель отстаивает в настоящее время архимандрит Тихон (Шевкунов), в том числе в своем фильме о Византии – все злое пришло с Запада, а святость от Византии.

www.portal-credo.ru

5 августа 2009 г., Киев

Выступление на пресс-конференции в РИА «Новости» (Украина) по случаю годовщины трагических событий в Южной Осетии.

Геннадий Бордюгов выделил ряд аспектов в осмыслении российско-грузинского конфликта. По словам эксперта, после прошлогодних событий Россия для многих стала восприниматься как опасная страна. Кроме того, «мир не воспринимает одностороннего пересмотра границ, об это свидетельствует характер и масштаб признания новых государств». По убеждению Бордюгова, конфликт разразился вследствие того, что Россия занимала слишком мягкую позицию по отношению к Грузии на протяжении последних лет. «Заигрывание с радикальными группами может оказаться опаснее, чем кажется. Это нужно понять и России и Украине», – подчеркнул в разговоре с корреспондентом «Багнета» политолог.

www.bagnet.org/news/summaries/one_day_of>planet/2009-08-08/23987

8–10 сентября 2009 г., Сочи–Сухуми

Доклад «Историческое мифотворчество и «войны памяти» на постсоветском пространстве» на Круглом столе «Новый геополитический ландшафт на Большом Кавказе».

15 сентября 2009 г., Москва

Выступление на Круглом столе Экспертного Совета РИА «Новости» «Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940-х – 50-х гг. – основа национально-государственного размежевания 1990-х».

10 мая 2010 г., Москва

Выступление перед журналистами стран СНГ и Балтии – участниками пресс-тура, посвященного 65-летию Победы.

«Приватизация» победы в Великой Отечественной войне со стороны того или иного государства не имеет под собой основания, сказал известный российский историк, президент Ассоциации исследователей российского общества Геннадий Бордюгов. «Та или иная страна пытается выделить свою роль или свою особую жертвенность в этой войне, и тогда появляются вопросы, кто больше потерял, начинаются подсчеты, кто больше жертв принес на алтарь победы... Это, к сожалению, факт, но он не имеет под собой основания». По словам эксперта, невозможно вычленить вклад той или иной страны, поскольку это была победа Советского Союза, единого советского народа... В то же время в российские учебники истории возвращаются факты и конкретные цифры, связанные с участием бывших советских республик в войне. «Для меня очень важно, чтобы опять пошел разговор об общей победе и вкладе в общую победу всех наших стран, которых объединяет постсоветское пространство»... День Победы – это событие, являющееся, возможно, главным в исторической памяти, в массовом историческом сознании в любой из стран, несмотря на появившиеся новые национальные праздники, несмотря на то, что в национальных пантеонах, в том числе в России, происходит пересмотр, появляются новые герои и «выбрасываются старые».

www.newsarmenia.ru/sng1/20100510/44245737.html

Геннадий Бордюгов считает, что армянская и турецкая элиты способны объяснить своим народам необходимость нормализации двусторонних отношений. «Всегда в любом обществе разговор начинают политические и духовные элиты, потому что они обладают большим ощущением этой проблемы, знаниями, обладают предвидением будущего. Поэтому они сделали первый шаг...И если этот шаг не ложный, не искусственный, если он совершен не во имя политической конъюнктуры, либо укрепления того или иного режима, а если это глубокий и осознанный шаг, тогда элиты найдут способы объяснить людям, почему это нужно сделать», – сказал Бордюгов. По его словам, это трудная и не единовременная задача. Эксперт считает, что сделать это непросто, потому что массовое осознание меняется очень медленно и с трудом, но все зависит от того, с какими аргументами элиты выйдут к своим народам.

<http://news.day.az/armenia/208369.html>

25 июня 2010 г., Минск

Проведение мультимедийного исторического практикума «Испытание прошлым и “войны памяти” на постсоветском пространстве» – 5-я Международная летняя школа молодых журналистов стран СНГ.

9 декабря 2010 г., Киев, Украина

Выступление на секционном заседании «20 лет новым независимым государствам: трансформация моделей власти, демократии и свободы слова» – Форум европейских и азиатских медиа 2010.

Указатель имен

А

- Абдуллаев К. – 87
Аги-Магомед-хан – 117
Адамсон А. – 205
Александр I – 117
Александровский С. – 138
Альтман А. – 15
Андреев Д. – 16, 231
Анушаускас А. – 198
Астафьев В.П. – 161
Афанасьев Ю. – 110

Б

- Бандера С. – 165, 213
Барт Р. – 51
Бахтин М.М. – 35
Бенеш Э. – 137, 138
Берамидзе Г. – 196
Берия Л.П. – 82, 142, 160
Бинген Д. – 95
Богатырёв В. – 208
Брежнев Л.И. – 147
Буховец А. – 203

В

- Вайда А. – 92
Василий II – 108
Виноградов З. – 15
Владимирцев Н.И. – 166

- Власов А. – 15
Вовкун В. – 163
Вознесенский А. – 113
Володарский В. – 124
Воронцов М. – 120
Ворошилов К.Е. – 138
Вудворд Э.Л. – 227
Вышинский А.Я. – 142

Г

- Георгий XII – 117
Гимпу М. – 220
Гитлер А. – 78, 134, 138, 156,
174, 197, 223, 226, 227
Горбачев М.С. – 143
Грач Л. – 199

Д

- Деникин А.И. – 129, 133
Джамалова М. – 208
Джанелидзе О. – 208
Дэвис М. – 59

Е

- Екатерина II – 115, 117, 163
Ерофеев В. – 110

Ж

- Жуков Г.К. – 158

З-И

- Затлерс В. – 220
 Иван IV Уһжрысқ – 36
 Иванов С. – 111
 Ираклий II – 115, 117
 Искандарян А. – 15, 208
 Исмаилов Э. – 208

К

- Калинин М.И. – 172
 Капеллер А. – 119
 Касаев А.Ч. – 15
 Касьянов Г. – 203
 Керзон Дж. Н. – 64
 Ключковский Ю. – 199
 Кокурин А.И. – 166
 Колесников А. – 15
 Колчак А. – 129
 Константин VII Багрянородный – 111
 Кульчицкий С. – 145
 Кундакбаева Ж. – 208
 Кураев А. – 109

Л

- Ленин В.И. – 123
 Липския Я. – 92
 Ломоносов М.В. – 33
 Любомиров Г. – 43

М

- Мазепа И. – 14
 Макаров В. – 203
 Малашенко А. – 15
 Маленкович В. – 147
 Колеров М. – 231
 Медведев Д.А. – 139, 144, 201, 222, 231

- Мигранян А. – 110
 Михайлов В. – 82
 Млечин Л. – 15
 Молотов В.М. – 58, 91, 134, 174, 180

Н

- Нарочницкая Н. – 110, 111
 Науманн Ф. – 91, 203, 237
 Неймарк Н. – 69
 Нифталиев И. – 208

О

- Окуджава Б. – 26

П

- Панина Л. – 15
 Пасманик Д.С. – 133
 Петерс Я. – 123
 Петлюра С. – 165
 Петр I – 14
 Петров Н. – 81
 Пилсудский Ю. – 66
 Пинзеник В. – 162
 Путин В.В. – 108, 139, 165

Р

- Редсдейл Дж. – 159
 Риббентроп И. – 58, 91, 134, 174
 Розенберг А. – 225–227
 Рузвельт Ф.Д. – 222

С

- Саакашвили М. – 220
 Саймон Д. – 223
 Селтер К. – 180

Серов И.А. – 160
Серова О. – 15
Сиамашвили Г. – 208
Скоропадский П.П. – 129
Соколов Б. – 16
Солженицын А.И. – 139
Спилберг С. – 135
Сталин И.В. – 43, 45, 47, 48,
52, 66, 67, 74, 78, 129, 134, 141,
157, 158, 174, 178, 179, 195–
199, 201, 211, 222, 225

Т

Табачник Д. – 163
Таранова Э. – 15
Тихон, архимандрит (Шевку-
нов Г.А.) – 105, 108, 235
Тойнби А. – 111
Токаев К.-Ж. – 198
Толстой Л.Н. – 12
Третьяков В. – 9
Троцкий Л.Д. – 129
Тыма П. – 69

У

Урицкий М. – 123
Успенский А. – 82
Устрялов Н. – 132

Ф

Фербербек М. – 152, 155, 159
Филиппова Т.А. – 209

Х

Хейг У. – 209

Ц

Цвик И. – 203
Церетели З. – 113

Ч

Чаадаев П.Я. – 111
Черчилль У. – 223
Чичуров И. – 110–112

Ш-Щ

Шатирашвили З. – 26
Шаумян С. – 129
Шахт Я. – 227
Шепетис Н. – 203
Ширханян В. – 183
Шухевич Р. – 165, 213
Щербина С. – 16

Ю

Ющенко В.А. – 64–66, 69, 77,
84, 87, 88, 145, 147, 148, 165,
198, 199, 210, 211, 213

Я

Янсен М. – 81
Янукович В.Ф. – 89, 199
Яценюк А. – 199

Издания АИРО в 2006–2011 гг.

2006

- Дмитрий Люкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).
- Ф.Г. Куначёва.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Э. Саблина.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеца и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).

- Н.А. Четырина.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- Павел Гвоздев.* Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.
- Япония. Ежегодник. 2006.
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Ф. Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – первая публикация в России»).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

С.В. Константинов. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

И.А. Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. Поиски материалов, обработка, комментарии, справочный аппарат журналиста Галины Стукаловой.

Стивен Коэн. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян.

Е.И. Щербакова. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) / Под ред. Г.А. Бордюгова; послесловие Н.И. Дедкова. («АИРО — Первая монография»).

Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447.

С.Б. Веселовский. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия.

2009

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томилин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Эрик Кулевиг. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / G. Bordjgov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.

Ирина Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.

Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрида Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.

- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010.– 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 256 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского.
- А.В. Венков.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 с.

- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. [Текст] / Н.В. Кравчук. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI. 2010 – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI. 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоглавой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Б. Веселовский.* Семейная хроника. Три поколения русской жизни / Подготовка текстов, составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI. 2010. – 480 с.

2011

- Стивен Козн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

З.С. Бочарова. Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

Научное издание

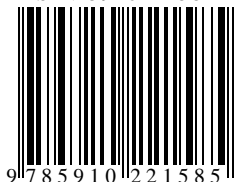
Серия «Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

**«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»
на постсоветском пространстве**

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

ISBN 591022158-2

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 23.05.2011
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 12,0